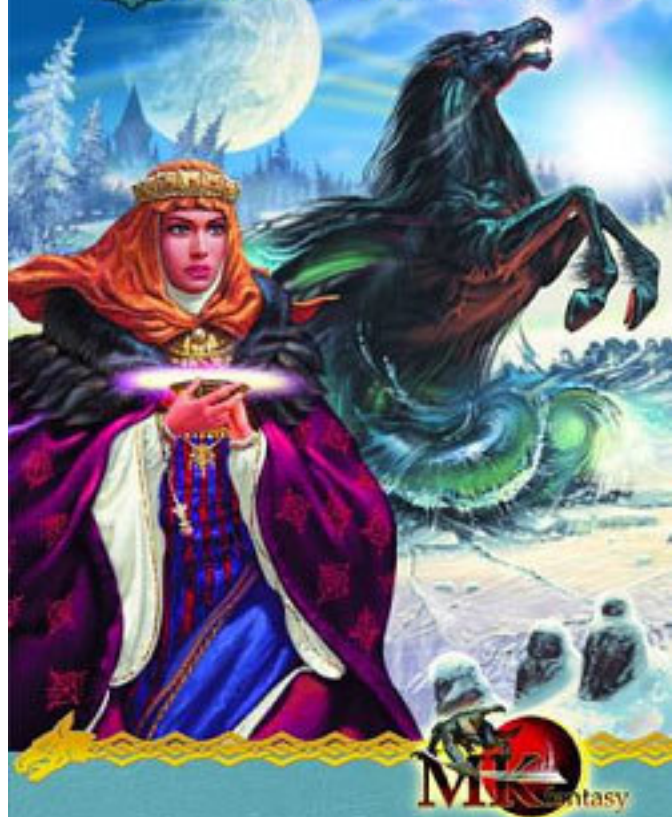

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ЗЕРКАЛО И ЧАША

Елизавета Дворецкая
Лес на той стороне.
Книга 2: Зеркало и чаша
Серия «Лес на Той Стороне», книга 2

Текст предоставлен издательством «Крылов»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138978
Е.Дворецкая Зеркало и чаша: Крылов; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 5-9717-0190-8

Аннотация

Одолев в борьбе за смоленский престол своего брата Зимобора, княгиня Избрана едва справляется с тяготами власти. Проиграв войну, она находит приют в Плескове и там оказывается единственным защитником города, способным выйти навстречу целому варяжскому войску.

Но и Зимобор, заняв смоленский престол, не успевает порадоваться победе. Собирая дань со своих земель, сражаясь с ведуном или отбивая атаки воинственных вятичей и их князя-оборотня, Зимобор с нетерпением ждет весны, которая вернет ему возлюбленную – если не помешает всемогущая и мстительная Дева Будущего.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Елизавета Дворецкая

Зеркало и чаша

Автор выражает благодарность московским клубам исторической реконструкции «Наследие Предков» и «Ратобор», опыт и дружинный эпос которых значительно украсили это произведение.

Глава первая

Санный путь утвердился в землях днепровских кривичей к середине месяца студена. Ударили морозы, реки застыли, встал и сам Днепр. По речному льду потянулись купеческие обозы. Длинный и нелегкий путь от Варяжского моря до Греческого пролегал через много разных земель, но во владениях смоленских князей находилась одна из самых важных его частей: переход с северных рек, то есть Волхова и Ловати, на притоки Западной Двины и оттуда на Днепр, который и выводил уже непосредственно к Греческому морю. Такое местоположение давало смоленским князьям немалые выгоды от пошлин. Именно в Смоленске торговые гости, приехавшие с севера, продавали свои товары тем, кто прибывал с юга, и наоборот. Торг оживился, появились новости – что делается в южных землях, что в северных.

Незадолго до зимнего солнцеворота, когда на княжьем

дворе уже готовились к большим жертвенным пирам, к княгине Избране явился торговый гость по имени Достужа, державший путь из Ладоги, – рослый и видный мужчина с опрятной бородкой, нарядно одетый и любящий себя показать. В гриднице было прохладно (княгиня не любила дыма и по утрам не велела разжигать внизу огня), но Достужа сразу, как вошел, распахнул шубу, чтобы показать зеленую рубаху с тесьмой, по варяжскому обычаю, пестрый плетеный пояс и толстый кошель, который сам по себе внушал уважение к его владельцу.

– Кланяюсь тебе, княгиня, пусть Велес и Макошь дадут тебе здоровья, достатка в доме и покоя! – начал купец.

Держался он двойственно: почтительность боролась в нем с привычкой рисоваться перед каждой женщиной. Кроме того, его разбирало любопытство при виде новой смоленской княгини, и, жадно ее разглядывая, он то и дело забывал, что хотел сказать. Шутка ли – женщина на княжеском престоле! Хоть она и дочь прежнего князя, однако, выбирая себе князей, славяне выбирают отважного воина и мудрого правителя, но никак не женщину! Тем более что у покойного князя Велебора было двое взрослых сыновей. Один из них, Буяр, теперь сидит в городе Оршанске, на Днепре. Что же касается старшего Велеборова сына, Зимобора, то о нем даже всезнающие и любящие поболтать торговые гости ничего определенного не знали. Поговаривали, что сразу после смерти отца он таинственным образом исчез, хотя вече было почти

готово назвать следующим смоленским князем именно его. Княжич Зимобор был всем хорош: и умен, и удал, и весел. Вот только мать его была не слишком знатного рода, проще говоря, из смердов, не то что княгиня Дубравка, мать Избраны. А Избрана тоже имела немало сторонников – после нескольких голодных годов многие считали милость Макоши наиболее важной для племени, а богине была угодна на престоле женщина. И волей богов многие в Смоленске объясняли то, что княжич Зимобор исчез накануне похорон отца, исчез почти бесследно, так что на траве остались только пятна крови – неизвестно чьей...

Шепотом, убедившись, что никто из местных не слышит, ушлые киевские гости рассказывали, что саму-то княгиню Избрану молва и винит в исчезновении брата-соперника. Правда, доказательств никаких – никто ничего не видел, не слышал и не знает, а боги не отвергли ее, на храм не пала молния, когда ей вручали священный посох власти, и сам деревянный посох не вспыхнул пламенем в ее руках...

Благодаря всем этим слухам посмотреть на смоленскую княгиню было особенно любопытно. К тому же она была молода и так хороша собой, что и не будь она княгиней, мало какой мужчина не застыл бы перед ней, как Ярилин идол.

Все эти разнородные побуждения были так ясно написаны на круглом румянном лице Достужи, что Избрана с трудом сдерживала улыбку. Но нет, ее улыбок этот щеголь еще не заслужил! Не подавая вида, что он ее позабавил, она приня-

лась задавать вопросы. Больше всего княгине хотелось знать, что думают о ее правлении в других землях и не собирается ли какой-нибудь князь сюда походом, воображая, будто земля, где правит женщина, беззащитна! Но об этом спрашивать она, конечно, не могла, и беседа шла обычным порядком: откуда гость прибыл, какие товары привез, через какие земли проезжал, какие новости там слышал.

А у купца и впрямь имелись новости, важные для княгини. На Каспле, в двух переходах от Смоленска, он подвергся нападению разбойничьей ватаги и лишился двух ладей с товаром, не считая одного убитого и двоих раненых! Все это произошло чуть ли не в виду погоста Болотники, а болотнический воевода, ответственный за безопасность этого участка пути, похоже, сам в сговоре со злодеями! Иначе почему он до сих пор не выловил разбойников или хотя бы не посылает кметей провожать торговых гостей до следующего погоста?

Еще в самом начале его рассказа лицо княгини вытянулось, красивые брови нахмурились, взгляд стал пристальным и гневным. Положив обе руки на подлокотники сиденья, она вцепилась тонкими пальцами в завитки резьбы и чуть наклонилась вперед, будто боялась не расслышать. Светлая коса, серое платье, отделанное полосками голубого заморского шелка, сияющий серебром венец с жемчужными привесками в сочетании с бледностью лица и холодным огнем острых глаз придавали ей сходство с зимней богиней Мареной, готовой бросить в земной мир морозы и выюги.

– Найдите мне Красовита! – приказала она, едва лишь уразумела суть Достужинского рассказа и связала в уме слова «Болотники» и «разбой». – Где он ходит? Чтоб сей же час здесь был!

Двое или трое отроков тут же торопливо кинулись вон. Кмети на лавках вдоль стен стали придвигаться поближе. Дело было вполне понятное, но от этого оно не делалось приятнее. С тех пор как сообщение между югом и севером сделалось оживленнее и мимо Смоленска зачастили торговые обозы, князь Велебор начал ставить на Днепре и Каспле городки-погосты, на расстоянии дневного перехода один от другого. Сам князь с дружиной останавливался в них, когда зимой объезжал землю, собирая дань, и там же за умеренную плату могли переночевать торговые гости со своими товарами, в тепле и безопасности. Взямая пошрины с купцов, князь взамен брал на себя ответственность за спокойствие своего участка пути. Разбойники были и для него разорением: не будет купцов – не будет ни товаров, ни пошлин.

– В Засечье рассказал? – спросила Избрана у Достужин. – Блестан! – крикнула она десятнику, и тот неохотно подошел поближе. – Ты мне что говорил? Так-то твой брат за дорогами следит! Ты мне Сварогом и Перуном клялся, что, если я его воеводой в погосте поставлю, ни одна мышь у него не забалует! А это что? – Она гневно взмахнула рукой в сторону Достужин. – Это, по-твоему, мыши? Где твои клятвы? Где твой брат, чем он там занят? Мои пошрины пропивает?

– Мой брат, княгиня, свое дело знает! – с обидой отозвался Блестан, не смея, однако, поднять на нее глаза. – Ты лучше Красовита спроси, он там последний был.

Княгиня не ответила, а только сжала губы. Блестан с независимым видом оглядывал свои рукава, словно боялся, что на них повисли несправедливые обвинения. Кмети посматривали то на княгиню, то на дверь, ожидая малоприятного объяснения.

Вошел Красовит, сын смоленского воеводы Секача, и, как всегда, показалось, что он непременно застрянет в дверях – таким рослым и широким в плечах он вырос. У него было круглое скуластое лицо с широким, почти прямоугольным лбом и обильными пятнами рябинок на щеках. Темные, немного выющиеся волосы и густые, сросшиеся черные брови наводили на мысль, что мать ему воевода отыскал среди степнячек-хазарок. С виду он казался медлительным и простоватым, хотя на самом деле был неглуп, честолюбив и очень упрям. Когда отец его стал воеводой, Красовит сделался сотником ближней дружины княгини. Сама она вовсе этого не хотела и предпочла бы видеть сотником варяга Хедина, своего давнего и преданного слугу. Но Секач помог ей добиться власти, и с ним и его родом приходилось расплачиваться. Избрана смирилась с тем, что две главные воеводские должности занимают люди, ей неприятные, хотя смирение далось ей нелегко. И хорошо еще, как намекала ей мать, что эти двое не требуют от нее ничего другого...

Или *пока* не требуют. Насколько Избрана знала Секача, уверившись в своей силе, он непременно захочет большего! Недаром в городе стали чаще вспоминать древнейший обычай, по которому очередным князем становился муж дочери прежнего князя – или новый муж овдовевшей княгини. Становиться женой Секача Избрана не собиралась ни в коем случае, но мысль, что подобные наглые замыслы у него наверняка имеются, усиливала ее раздражение, и она с трудом заставляла себя держаться с этими двоими хотя бы вежливо.

Но сегодня был не тот случай. У Избраны появился повод объяснить Красовиту, кто он такой, и она с готовностью за него уцепилась.

– Ты мне что говорил? – набросилась она на сотника, едва лишь он показался на пороге и не выслушав даже его приветствия. – Ты мне говорил, что всех лиходеев с Каспли выбил! Ты мне чью голову привез? Ты где ее добыл – в избушке на ножках? А говорил, что это сам Катай Лютый!

– Чья голова и где я ее добыл – это дружина знает, не даст соврать! – сурово ответил Красовит, ничуть не смутившись. – А ты, княгиня-матушка, там не была, так и не говори, чего не знаешь!

Остановившись в двух шагах перед престолом, он расставил ноги и упер руки в бока, словно несокрушимая скала, о которую разобьются все нападки. Позорить себя при дружине он не позволил бы ни одной женщине, будь она хоть сама богиня Марена.

Дружина негромко загудела. В самом деле, многие были в последнем походе вместе с Красовитом, и нападки княгини оскорбляли их всех.

Но Избрану облик могучего сотника, блеск серебра у него на груди и на поясе только раззадоривали и требовали во что бы то ни стало добиться победы в этом споре.

– Ах, не была я с вами! – с горячим ядовитым напором ответила она. – Не была, а надо было мне самой с вами пойти! Если у меня дружина такая, что ни одного дела толком сделать не может! Что же мне теперь, вас всех за прялки посадить, а на ваше место девок набрать? Иные девки посмелее будут! Ты мне что говорил? Ты мне говорил, что всех на Каспле повыбил, до самых полотеских рубежей, что больше никто там шалить не будет! А это что?

Гневным взмахом Избрана указала на Достужу, словно в его лице тут стояли все недобитые разбойники. И Красовит глянул на купца так свирепо, что тот попятился, чувствуя, что в стольном городе днепровских кривичей попал между молотом и наковальней.

– Это что? – злобно передразнил Красовит. – Я ведь не чародей, от Смоленска на пять переходов не вижу! Что у них там делается, под Болотниками, откуда мне знать? Там свой воевода есть, если сам не справится – пусть за помощью шлет. Вон в Засечье хотя бы! Вон тут его брат родной стоит, пусть отвечает, за кем там Живята следит – за дорогой или за девками! – Он кивнул на Блестана.

– Ты моего брата... – начал было Блестан, очень недовольный, что опять оказался крайним.

– Старых я повыбил, а если новые завелись, я чем виноват? – яростно продолжал Красовит. – Смердам жрать нечего, изгоев развелось, а чем им жить, кроме как разбоем? Да и чужие набегут! Раз уж пошла такая слава, что у нас князя нету, так они...

– Да что же, князь должен сам каждый город охранять? – перебила его Избрана. Намеки, будто возросшим числом разбоев земля днепровских кривичей обязана тому, что в Смоленске правит женщина, она тем более не терпела, что слышала не в первый раз. – Если князь, то он, по-твоему, сам должен каждого лиходея за глотку держать? А дружина на что? Дурь такую несешь, что слушать тошно! Когда же князь Велебор сам за каждым псом бешеным гонялся? Не было такого никогда!

– Так с лиходеями воевать – люди нужны, кони нужны, оружия тоже еще... – со своего места подал голос десятник Витобор. – Не с поленом же за ними пешком бегать!

Гридница опять ответила гулом одобрения.

– Но и княгиня не напечет вам на печке людей и коней! – вступил в беседу Хедин, все это время стоявший возле престола. Услышав его голос, Красовит глянул на варяга с угрюмой неприязнью, но тот не смутился и продолжал: – Чтобы содержать больше дружины, нужно получать подати со всей земли. А князь Буяр ничего не прислал из

Оршанска и не пришлет. В его руках остались все волоки между Днепром и Двиной. Все пошлины с купцов, которые поедут в Полотеск, достанутся ему, а не нам. И если кому-то здесь мало того, что может дать княгиня, подите и возьмите у него то, чего вам не хватает.

– Ты, белоглазый, потише! – крикнул молодой боярин Ра-нослав и встал. – Нечего кривичей на кривичей натравли-вать!

– А отцовскую землю на части рвать – кто его на-учил? – ответила Избрана. – У нас какой уговор был с твоим отцом? – Она снова посмотрела на Красовита. – Он воево-дой хотел стать – и стал, я свое слово сдержала! Хотел, что-бы тебя сотником поставили – поставили, пожалуйста! А он обещал, что Буяр из-под моей воли не выйдет. И что теперь?

– У него и спроси! – грубо и с досадой огрызнулся Краси-вит. – Отец здесь, а Буяр вон где!

– Твой отец его растил!

– От меня-то ты чего хочешь? – сорвался Красовит.

– Собирай своих орлов! – велела Избрана. – Поезжай в Болотники, и чтоб впредь там тихо было! А с твоим отцом я еще поговорю!

Красовит вышел, не обернувшись. За последние месяцы это был далеко не первый разбой. Какие-то люди завелись по лесам, видимо из тех, кто не сумел восстановить разоренное голодными годами хозяйство. Бывали случаи, когда проез-жих купцов грабили местные жители. Выловив очередную

ватагу, главарей казнили, а прочих забирали в холопы. Но на месте одной шайки скоро возникала другая. Решив, что при женщине на престоле все сойдет с рук, воеводы в погостах несли службу кое-как, зато разоряли местных жителей непомерными поборами в свою пользу, за что два городка уже были сожжены своими же данниками. Княгиня Избрана собиралась зимой сама идти в полюдь, и Хедин советовал ей взять с собой побольше дружины, ожидая возможных столкновений. Ходили слухи, что в верховьях Сожи гуляет радимичский князь Бранемир, собирает дань в свою пользу и местные старейшины приносят ему клятвы верности. Вся земля трещала и расползалась, Избрана не знала покоя, гневалась и карала, но беспорядки не унимались, и никто не мог ей посоветовать ничего путного. Даже ближайшая, сидевшая с ней за одним столом дружина выглядела неуверенно, словно кметям было стыдно подчиняться женщине. Эта неуверенность все расширялась, порождая во всем разлад.

Во время этого разговора купец Достужа вертел головой, поглядывая то на княгиню, то на ее собеседников. С одной стороны, он хотел попросить снизить пошлины с его товаров ради возмещения понесенного ущерба, но с другой – боялся заново разгневать княгиню этим неприятным напоминанием. Когда Красовит ушел, купец все-таки решился и подвинулся так, чтобы опять оказаться перед глазами княгини.

– Ты еще здесь? – Избрана сердито сверкнула на него глазами. – Ну что, еще хороших новостей припас?

– Вот, у меня, княгиня... – забормотал Достужа, точно спешил подтвердить ее подозрение, и вытащил из-за пазухи что-то округлое, завернутое в холстину. – Я ведь к тебе не с пустыми руками пришел, хотел... Купил я у хазарина одного такое чудо заморское, вот, хотел показать...

– Что он там бормочет? – Избрана нахмурилась. После ссоры с Красовитом ей хотелось поскорее подняться в горы.

Достужа наконец развернул холстину и протянул Избране небольшое, размером с ладонь, бронзовое блюдечко. Выглядело оно очень странно – вся его задняя поверхность была покрыта узорами весьма непривычного вида, – как же такое ставить на стол? И едва ли что-нибудь путное можно положить в такую посудину.

Но необычный вид подарка привлек Избрану, и она знаком велела Хедину передать ей странную вещь. Едва она взяла блюдечко в руки и хотела рассмотреть поближе, как на гладкой поверхности дна мелькнуло неясное пятно и тут же исчезло. Вздвогнув от неожиданности, Избрана опустила блюдце на колени и даже хотела сбросить на пол, будто оно могло ее укусить.

– Что это? – охнула она, но тут же взяла себя в руки и подняла на Достужу строгий взгляд. – Это что – для ворожбы? Это не для меня. В святилище отнеси, волхвы купят. Они богатые.

Последнее княгиня произнесла с явной досадой. При кня-

зе Велеборе смоленские волхвы добились права собирать в свою пользу пошлины не с каждого десятого торгога, а с седьмого, и сейчас Избрание это казалось сущим разорением.

Она уже хотела вернуть блюдо, но Достужа замахал руками:

– Нет, нет, княгиня, это не для ворожбы! Стал бы я, торговый человек, ворожбой заниматься! – Он даже подтянул повыше пояс с таким видом, как будто защищал свое достоинство от несправедливого поношения. – Здесь совсем другое дело! Это чтобы смотреть и свое лицо видеть. Ты погляди, княгиня. Там свой лик ясный увидишь. Это из такой дали привезли, что сказать страшно. Из той земли, где шелка делают. Оттуда, может, одной дороги года три, вот как!

– Я про такое слышал! – сказал Ранослав. Вытянув шею, он старался со своего места рассмотреть вещь в руках у княгини. – Когда в Киеве был с отцом, у хазар такие видел. Только они маленькие льют, с ладошку, и как оберег на пояс носят. Дескать, если встретится злой дух какой, то как глянет, свою же рожу мерзопакостную увидит и со страху копыта отбросит.

– Это называется «зер-ка-ло», – горделиво вымолвил Достужа. Название, как самое важное, он приберегал напоследок. – Купи, княгиня. Сама понимаешь, чудо не дешевое, но разве где еще такое найдешь? Оно, может, на всем свете единственное. Вон и воевода твой говорит, что в ихних землях такого нет! – И он осторожно кивнул на Хедина, надеясь

найти у него поддержку.

Избрана с сомнением посмотрела на блюдо у себя на коленях. Узоры на задней стороне зеркала были красивые и тонкие, выдавая высокое искусство мастера, но уж очень непривычно они выглядели.

Но гладкое, отполированное дно притягивало взгляд. Она склонилась над ним, и на золотистой поверхности снова появилось пятно. Ее первым порывом было немедленно отшатнуться, точно из каких-то иных измерений на нее глядел кто-то чужой и страшный. Но Избрана сдержала страх и вгляделась. Да, это она! Но только чистейшим и тишайшим летним днем, когда по яркому небу разлит солнечный свет, на поверхности спокойного озера можно увидеть такое ясное, чистое, четкое изображение. Неужели можно всегда иметь у себя в горнице этот дивный кусочек летнего озера? И зимой, и ночью хранить отблеск теплого светлого дня?

Она медлила с ответом, поглаживая кончиками пальцев завитки литых узоров. Желание иметь эту вещь боролось в душе с осторожностью. Что бы там ни болтал купец, без колдовства здесь не обошлось. Но... Она еще раз глянула в зеркало и заново восхитилась красотой своего точеного лица.

Еще не приняв решения, Избрана покосилась на Хедина. Она не намерена была платить слишком дорого, но и торговаться при дружине не хотелось. Сразу пойдут разговоры, что княгиня тратит серебро на безделушки, когда не на что снаряжать дружину. Однако Хедину это можно поручить.

Как он сторгуется – это его дело, но Избрана знала, что варяг не обманет ее ожиданий.

И действительно, довольно скоро Хедин поднялся в горницу, где княгиня отдыхала после неприятного утра, и принес ей завернутое в холстину зеркало. Отпустив варяга, Избрана поставила покупку на стол, прислонив к бронзовому позолоченному светильнику. Светильник был восточной работы и стоил как... Лучше не думать, сколько он стоил. Избране нравилось окружать себя красивыми вещами. Должна же княгиня хоть как-то вознаградить себя за те заботы, о которых простые бабы и понятия не имеют.

Но сейчас собственное лицо ей не слишком понравилось. Стараясь расслабиться, прогнать выражение озабоченности, Избрана подвигала бровями, попыталась улыбнуться, но улыбка вышла насильственная и обманная. Вздохнув, она снова взглянула сама себе в глаза. И серьезное, немного печальное лицо вдруг вызвало в ее памяти брата Зимобора, хотя они совсем не были похожи.

Где он сейчас, ее брат, у которого она так быстро и успешно отвоевала смоленский престол? Если бы только знала, как мало радости ей это принесет... Может быть, потому он и уступил ей так легко, что знал все заранее?

Однако он, мужчина, которого все *эти* так хотят видеть на престоле, – что он стал бы сейчас делать?

Да, он что-то сделал бы! Избране мгновенно представился Зимобор, окруженный дружиной; вон он вглядывается ку-

да-то вдаль, показывает рукой что-то на горизонте, кому-то что-то объясняет, рисуя в воздухе для наглядности, потом яростно лохматит пятерней непокорные каштановые кудри, чтобы унять досаду от чужой бестолковости, и по движениям его губ легко прочитать это вечное «вяз червлёный тебе в ухо»... И никто не обижается, не спорит. Даже Красовит молча слушает, и на его хмуром лице только напряжённое внимание, без этой нагловатой заносчивости, с которой он обычно выслушивает ее, Избраны, распоряжения, всем видом показывая, что ничего толкового он услышать не ожидает. И почему он всегда так уверен, что она не права? Только потому, что она женщина?

В верхних сенях прозвучали чьи-то быстрые шаги, взвизгнула дверь, охнула сенная девка, на которую кто-то второпях налетел. По мягкому ковру затопали тяжелые башмаки, и Избрана нахмурилась: являться к ней наверх без зова дозволялось только Хедину. А это явно не он!

Дверь резко ушла наружу, в проем просунулась темноволосая голова Красовита. Избрана вскочила и шагнула вперед и сердясь на это вторжение, и невольно пытаясь заслонить собой зеркало на столе.

Но Красовит успел его заметить. Не извиняясь, даже не удосужившись шагнуть через порог, он бросил ей с каким-то злобным торжеством:

– Любуешься, краса ненаглядная? Ну, любуйся! А там кметь прискакал: Столпомир полотеский наши погосты гра-

бит!

* * *

На другой день после получения тревожного известия Смоленск был оживлен больше обычного. Простолюдины побросали работу и толпились у ворот княжьего двора. Бояре и старейшины, в свою очередь, тянулись к святилищу. Со двора святилища поднимался высокий и густой столб дыма, означавший, что сегодня будет происходить нечто важное. Все уже знали, что Смоленск стоит на пороге войны.

Наконец затрубили рога. Ворота княжеского двора растворились, кмети с красными щитами раздвинули толпу, освобождая дорогу княгине. Избрана помедлила, прежде чем сойти с крыльца. Ей нравилось видеть, что к ней прикованы сотни восхищенных и почтительных взглядов — они согревали ее, наполняли силой и воодушевлением. Как никогда ясно она чувствовала, что княгиня для своего племени является не просто правительницей, но воплощением Великой Богини. И наверное, даже сама Макошь рада иметь такое молодое и прекрасное воплощение!

Через толпу образовался проход шириной в два шага. Под ногами оставалась та же самая утоптанная земля, но Избрана она представлялась какой-то особой священной дорогой, на которую не ступают ноги простых смертных. Медленно и величаво она шла от княжеских ворот к святилищу, и у нее

было чувство, будто она поднимается к самому небу.

Ворота раскрылись, но вслед за Избраной никто туда не пошел. Храм состоял из трех помещений: в среднем, самом большом и высоком, находился четырехликий идол, справа хранилось священное оружие бога, отделанное золотом, – меч, копье и лук со стрелами. В левой пристройке стоял белый конь. Пока был жив священный конь, днепровские кривичи верили, что боги не совсем отвернулись от них. Сейчас он уже был оседлан и взнуздан, жрецы ждали, готовые выносить оружие.

Войдя, Избрана низко склонилась перед идолом, краем глаза высматривая, кто из жрецов стоит рядом и какие у них лица.

– О Великий и Светлый! – торжественно провозгласила она, подняв глаза к грозному лику идола. – Ты, держащий на себе свод небесный, проливающий дожди, гремющий громами, озирающий разом весь белый свет, будь опорой и защитой своему народу! Все племя наше собралось и ждет знака твоей воли: готов ли ты указать смолинцам путь к победе?

Избрана повернулась к священному коню. Державший того жрец, Здравен, отошел в сторону, а конь тряхнул длинной белой гривой и мягко ударил копытом. Перун сказал «да». Жрецы радостно закричали, а Избрана бросила Здравену короткий значительный взгляд. От жреца, который ухаживает за конем, зависит многое в его поведении, и Избрана дружила со Здравеном.

Получив согласие божества, жрецы стали выносить священное оружие и нагружать его на коня. К Избране приблизился верховный жрец, Громан. Как и положено главе святилища, он был высок, плечист, голос имел громкий и держался величаво. Брови, как подозревала Избрана, Громан для большей внушительности подрисовывал углем.

– Значит, не передумала? – спросил он, не заботясь о том, что их услышат. – Может, подумаешь еще?

– Я всегда думаю и всегда знаю, что мне делать, – ответила Избрана, мимо жреца глядя на четырехликого идола и обращаясь непосредственно к Перуну.

Ведь и Перун – мужчина, а значит, она должна убедить его, что способна на что-то путное! Если бы на небесах у власти оставалась Макошь, как было в прежние тысячелетия, – об этом Избране много рассказывала мать, – то ей сейчас было бы гораздо легче. Тогда миром правила Богиня, а народами и племенами – женщина, власть и наследство передавались от матери к дочери, а своего отца никто не знал и знать не хотел. Тогда воины считали честью получить оружие из рук жрицы, а долгом – во всем ей повиноваться и умереть за нее, как за свою Богиню! Ах, где те благословенные времена!

– Боги не дадут победы войску, которое ведет женщина! – настойчиво продолжал Громан. – Сам Перун одолел женское войско Марены и завещал, чтобы только мужчины владели оружием. Женщина с мечом – прислужница Маре-

ны!

«Рассказывай!» – с досадой на мужчин, уж две тысячи лет как захвативших власть на земле и в небесах и извративших к своей выгоде все древние сказания, подумала Избрана, а вслух сказала:

– Где ты видишь у меня меч? – Она подняла обе руки, показывая жрецу тонкие белые пальцы, сплошь усаженные золотыми перстами с красными, голубыми, зелеными и лиловыми камнями, изящные запястья, на которых из-под белого меха рукавов поблескивали золотые браслеты с варяжским узором. – Меч будет в руках бога и в руках воинов. Мы не нарушим завет Перуна.

– Ты не должна подходить к священному доспеху бога! Женщина может возглавлять только женские обряды Рожаниц! А вести белого коня должен мужчина! Если ты не доверяешь никому из воевод, предоставь это право служителям Перуна!

– Среди служителей Перуна больше нет воинов! – отчеканила Избрана.

Двадцать лет назад, после памятных и весьма кровавых событий, князь Велебор лишил святилище права содержать свою дружину.

– Боги отдали мне власть над смолянами, и я поведу священного коня! – так же решительно добавила Избрана. – Белый конь признал меня, и тот, кто спорит со мной, тот спорит с Перуном!

Больше она ничего не сказала: чем меньше слов, тем весомее речь.

Ездить на белом коне имел право только сам Перун, и из святилища Избрана шла пешком, ведя его за собой. Золоченую узду она сжимала так крепко, словно это была сама власть, которую у нее хотят вырвать. Как будто мало ей Секача и Буяра – и жрец, старый хряк, покушается на ее права! Сам хочет водить белого коня! Того гляди, завтра он захочет сесть на княжеское место и в гриднице, вообразив, что раз он ближе всех к Перуну, значит, сам и есть как бы Перун. «Врешь, подавишься», – мстительно думала Избрана. Рождайся две тысячи лет назад побольше таких, как она, то и сегодня миром правили бы женщины!

Сопровождаемая все возраставшей толпой, княгиня провела священного коня от святилища до берега реки, где раскинулось поле, называемое Конским. Летом в праздничные дни здесь устраивались скачки и воинские состязания.

Во льду Днепра была проделана широкая свежая полынья, в которой еще плавали ледяные осколки. На прорубь нельзя было смотреть без содрогания: черная блестящая вода казалась жадной, ждущей жертвы и угрожающей. Где-то там, на дне, в темных пространствах Мертвого Мира, готовила своего черного коня богиня Марена. Мать Мертвых, многократно побежденная Перуном, не уставала искать новых схваток, и Избрана, захваченная своим нескончаемым спором с мужчинами, даже посочувствовала в душе темной Богине. И ис-

пугалась: сейчас ей нужно совсем другое!

Избрана со священным конем, жрецы, дружина и городские старейшины остановились на краю Конского поля, а несколько жриц во главе с княгиней Дубравкой направились к проруби. Они вели с собой черного бычка. Все они были одеты в черное – цвет Бездны.

– Услышь нас, Марена, Мать Мертвых! – взывала Дубравка, стоя над прорубью с воздетыми руками. Черный плащ развевался у нее за спиной, ветер шевелил концы пояса, и смотреть на старую княгиню было страшно – Марена уже была здесь, и ее голос звучал в голосе женщины. – Прими жертву и подай нам знак, пахущая черные пашни! Пришли бойца на битву, ты, серпом срезающая колосья жизнью!

Бычка подвели к проруби. Избрана держалась гордо и невозмутимо, но ей было отчаянно страшно. В детстве она до жути боялась этого вот жертвенного ножа с бронзовой рукоятью, наслушавшись смутных баек о том, что в древности в жертву Марене приносили княжеских детей. Но еще больше ее страшил исход предстоящего поединка-гадания. Богов не обманешь гордым лицом и уверенным голосом. Если сейчас они не дадут ей победного пророчества, то все усилия пропадут даром.

Но почему же богам не отдать ей победу! Она знатна родом, умна и тверда духом. И если Перун считает, что-де княжить должен мужчина, то хотя бы его вечная соперница Марена должна ей помочь! Что ей стоит немного уступить, что-

бы помочь своей наследнице на земле!

Кровь черного бычка стекала в прорубь, над холодной водой поднимался пар. Вода в проруби словно бы сгущалась, становясь воротами в Мир Мертвых. Народ совсем притих и попятился. Жрицы отошли, у проруби осталась только туша бычка, припавшего головой к кромке воды, точно он хочет пить.

Пар от воды пошел гуще, толпа дрогнула и в стихийном порыве еще подалась назад.

Начинается.

Избрана осталась на месте, крепче сжимая узду белого коня. Это зрелище она видела не в первый раз и тоже всегда волновалась, как и каждый в этой толпе, но раньше узду держал в своих крепких руках отец, и она твердо верила в его силу и удачу. Теперь же передовым бойцом была она сама, и это ее сила поведет животное в бой.

Вода в проруби забурлила.

– Отпускай! Отпускай, княгиня! – страшно крикнул Громан и взмахнул посохом.

– Еще рано! – дрожащим голосом возразила княгиня Дубравка, но Избрана уже разжала пальцы, державшие узду.

И, как оказалось, вовремя. В проруби мелькнуло что-то живое, черная вода взметнулась и превратилась в черную лошадиную голову. По толпе прокатился вскрик. Фыркая и скаля крупные белые зубы, с усилием упираясь копытами в обломанный лед, черный конь карабкался на берег, и было

видно, как двигаются могучие мускулы под мокрой черной шкурой. С гривы обильно стекала вода, ледяные брызги разлетались далеко вокруг.

А белый конь Перуна, сверкая золочеными бляшками седла, уже мчался к проруби. Выбравшись на лед, конь Марены встряхнулся, поднялся на дыбы, потом увидел противника и бросился по полю вскачь. Выбраться за пределы поля, огражденного белыми валунами, он не мог, но жутко было смотреть, как чудовище несется прямо на людей, и смоляне пятились, прятались друг за друга. В толпе раздавались невольные крики ужаса. Избрана стояла неподвижно, не сводя глаз с посланца Марены. Невидимая, на нем сидела сама Мать Мертвых. Это ее губительной силой горели кровавые глаза коня из проруби, это ее мертвящий ветер развеивал черную гриву и хвост чудовища.

Белый конь гнался за черным, люди следили за их бегом, неосознанно стремясь отдать посланцу Перуна свою силу и помочь ему в этом состязании жизни и смерти. Снежная пыль летела из-под копыт, поле сотрясилось под могучими ударами, и где-то высоко в небе раздавались приглушенные, далекие громовые раскаты. Перун не спит и зимой, но сила его не так велика, как летом.

Обежав по полю несколько кругов, белый стал настигать. Конь Марены вдруг резко повернулся и бросился навстречу противнику, взвился на дыбы, пытаясь ударить копытами. Над берегом разнесся общий крик. Скакун Перуна тоже

вскинул передние копыта, от их столкновения посыпались искры, гром в небесах послышался яснее. Увернувшись, черный конь снова пустился вскачь.

Настигая, белый конь хрипел от ярости, пытался схватить противника зубами, черный с диким визгом норовил уку- сить в ответ. Белый метнулся в сторону, прыгнул, преграж- дая сопернику путь, снова ударил копытами. Посланец Ма- рены отшатнулся, люди вокруг поля вскрикнули. Он попя- тился. Смоляне закричали громче, и белый конь погнал чер- ного назад к проруби. Тот отступал неохотно, пытался ку- саться, но скакун Перуна бил копытами и жег черную кожу золотым искрами.

Наконец черный не выдержал и пустился во всю прыть об- ратно к воде. С громким плеском он рухнул в прорубь, ши- рокая волна взметнулась, лизнула края, но не достала ни до чего живого. Обломки льда бешено качались, народ вокруг поля кричал от радости. Воин Марены был побежден, а зна- чит, Перун обещает победу в предстоящей войне.

Белый конь неспешно, потряхивая гривой и фыркая, на- правился назад к Избране. Как расколдованная, она броси- лась ему навстречу, обняла разгоряченную морду и прижа- лась щекой к золотым пластинкам сбруи. В эти минуты она любила священное животное, как никогда не любила никого из людей. В нем заключалась милость богов, ее победа, уда- ча, надежды на будущее.

Народ повалил на поле, все ликовали, кричали, рассмат-

ривали следы на снегу. Секач уже влез на пригорок и громким голосом объявлял порядок сбора ополчения. Не дожидаясь, пока он окончит, Избрана повела коня обратно на гору. Она была полна уверенности и чувствовала себя почти счастливой.

За обедом в гриднице царило бурное оживление, какого здесь не видали давно. Княгиня Избрана велела прямо с Конского поля звать всю дружину и старейшин за столы. Все ели, пили и веселились, и даже Секач раздобрился до того, что поднял кубок за здравие и славу княгини. Избрана в ответ послала ему через отрока один из своих золотых браслетов. На медвежью лапу воеводы тот, конечно же, не налез, но Секач спрятал его за пазуху и выглядел довольным.

В дверях толпилась челядь, лезли всякие людишки, надеясь разжиться чем-нибудь с княжеского стола, но Избрана не приказывала их гнать. Пусть сегодня все будут сыты и довольны. Только отсутствие жрецов ее тревожило. Эта братия ведь тоже не упускает случая поживиться, так почему их нет?

Громан с тремя младшими жрецами появился позже, точно хотел намекнуть, что без него настоящего пира не выйдет. Отроки расчищали им дорогу к подобающим местам, а Громан сразу остановился перед княгиней.

– Чем ты так недоволен? – весело спросила Избрана, заметив его насупленный вид. – Посмотри, как всех обрадовали добрые знамения. Перун обещает нам победу, почему же

ты не весел?

– Перун обещает нам победу, но она достанется дорогой ценой, – сурово ответил Громан. Гости поутихли, и он заговорил громче, стараясь завладеть общим вниманием: – Белый конь слишком долго не мог прогнать коня Марены. Война будет долгой и трудной. Многих ты не увидишь на последнем пиру, княгиня. И тебя самой не будет в этой гриднице, когда война будет окончена!

Не веря своим ушам, Избрана наклонилась вперед и вцепилась в подлокотники.

– Да как ты смеешь, старый пень! – закричала она, от гнева забыв даже о почтении перед жрецом. – Меня не будет! Тебя самого не будет, попомни мое слово!

– Огонь Изначальный показал мне, что из похода вернется в этот дом князь Зимобор! – продолжал Громан, сверля княгиню сердитым взглядом и упираясь в дубовый пол концом посоха, точно выдерживал напор сильного ветра. – А не веришь, так возьми свое блюдо самовидное и погляди!

– Какое блюдо самовидное? – Избрана искренне изумилась.

– В каком дальние страны видеть можно, Явь, Навь и Правь!¹ Тебе его на днях принесли, из чужих земель доставили.

¹ Три части вселенной: Явь – мир реального, он же земной; Навь – мир мертвых, подземелье; Правь – небесный мир. Взято из «Велесовой книги». Собственно, автор убежден, что это не древний памятник, а творчество Юрия Миролюбова, середина XX века, но идея хороша.

– Какое такое блюдо? – недоуменно загудели в гриднице.

– Самовидное!

– Да где же такое у нас?

– Слышь! А скатерти-самобранки нет?

– Приснилось ему, что ли!

– Чего, а умерших дедов там можно видеть? Мне бы у дядьки спросить, где он свое серебро после Яролютова похода закопал. Говорят, целый кубок был, вот с этот ковшик, и еще там перстни-обручья всякие. Мы уж обыскались, весь двор перерыли, будь он неладен!

– Сам ты неладен, Скряба, дай послушать!

А Избрана наконец вспомнила о зеркале. Конечно, Громан говорит о нем! И как только узнал! Княгиня окинула взглядом разгоряченные лица кметей. Сорока жить не могла, пока всем не разнесла! Вот, а говорят, что женщины болтливы! Сами-то хороши! Не успела она купить зеркало, и вот уже в святилище знают, что и почему! А Громан уже нацелился на добычу. Нет, руки коротки!

– Да с чего ты взял, что это блюдо самовидное! – напустилась она на жреца. – Самое обыкновенное! Златокузнецам закажи – тебе хоть десять таких выльют.

– Прикажи его принести. И я покажу тебе в нем, что будет! Ты извела твоего брата Зимобора – я тебе покажу, как он вернется! Я тебе покажу меч в его руке! Не гневи богов, княгиня, не губи людей понапрасну, помирись с братом и отдай ему то, что его по праву! А иначе меч Марены будет в

твоей руке и на коне твоём поедет Мать Мертвых!

Это было уже слишком.

– Да ты с ума сошел! – в изумлении и гневѣ воскликнула Избрана, едва веря своим ушам – ведь жрец при дружине обвинил ее в убийстве собственного брата. – Взять его! – крикнула она и даже вскочила на ноги. – Как ты смеешь, старый леший! Ты мне гибели желаешь! В поруб его! Чтоб тебя кикиморы взяли!

Кмети замерли с раскрытыми ртами, у некоторых в зубах были зажаты куски мяса или хлеба, что выглядело бы смешно, не будь все так потрясено. А между замершими людьми уже пробирались варяги из Хединовой дружины. Некоторые из них даже не понимали по-славянски и не могли вникнуть в суть спора княгини с Громаном, но Хедин молча сделал знак, и вот уже двое из его людей приступили к жрецу. Их задачей было действовать, а не вникать.

Волхв попытался увернуться, взмахнул посохом, но Халльвард Белый ловко вызвал посох у него из рук. Громану заломили руки за спину и поволокли из гريدницы. Еще несколько варягов шли по бокам и впереди, расчищая дорогу. Никто из смолян даже не решился бы прикоснуться к верховному жрецу, но варяги, с молотами Тора на шейных гривнах, не боялись его.

Трое других жрецов стояли возле своих мест, бледные от гнева и тревоги, но молчали.

– А вы что скажете? – обратилась к ним Избрана, когда

Громана вытащили за дверь. — Тоже будете нам поражение в походе пророчить? Тоже будете спорить с Перуном, который пообещал мне удачу и победу?

— Воля твоя, княгиня, — сумрачно, стараясь не терять достоинства, ответил ей Здравен. — Коли белый конь черного коня победил, значит, победа за тобой будет.

Избрана нашла взглядом Халльварда и кивнула. Варяг подошел и подал ей резной посох верховного жреца. Придерживая тяжелый дубовый посох в стоячем положении, Избрана наклонила его верхний конец в сторону Здравена.

— Возьми! — коротко приказала она.

Здравен в недоумении оглянулся на двух других жрецов, но они отвели глаза. Верховного жреца всегда выбирало само святилище, а потом проводились обряды, чтобы узнать, не противоречит ли выбор воле богов. Никогда еще не было такого, чтобы верховного жреца назначал князь. Но спорить с княгиней сейчас казалось так же глупо и опасно, как идти по реке против ледохода.

Нерешительно приблизившись, Здравен еле-еле посмел прикоснуться к наверху посоха. Но ничего не случилось — гром не грянул, молния не пала с небес. Посох не вспыхнул, когда Здравен его взял, и нижний его конец не прирос к дубовым плахам пола. Кмети закричали, сначала неуверенно, потом дружно и радостно, приветствуя нового верховного жреца. Здравен отошел с посохом, бледный, вытирая холодный пот со лба, и совсем не радовался своему

неожиданному возвышению.

Устав за этот длинный день, Избрана хотела бы подняться в горницы пораньше, но сидела на пиру до глубокой ночи, зная, что так надо. Когда дружина осознает, что произошло, многие испугаются гнева богов. И совершенно необходимо, чтобы она, княгиня, была на виду и своей уверенностью прогоняла страх. Сегодня она сделала то, на что никто из них никогда бы не решился, и даже Секач поглядывает на нее со смутным тревожным уважением. Он понял не только то, что она взяла на себя смелость сменить верховного жреца. Он заметил, с какой бестрепетной готовностью варяги Хедина выполнили даже такой рискованный приказ. Собственные дружины смоленских бояр были далеко, а варяги – вот они. И если тебя так же быстро и решительно обезглавят по приказу княгини, то хоть разбей ее потом гром небесный, тебя все дальнейшее уже не будет касаться.

Но вот наконец крики утихли, кмети частью разбрелись по дружинным избам, частью заснули прямо за столами. Избрана поднялась к себе. Горничные девушки готовили постель, двигаясь с преувеличенным проворством и старательностью. Нянька что-то бормотала себе под нос, но Избрана не прислушивалась – вот уже двадцать лет как мнение няньки было ей безразлично.

Отослав всех прочь, Избрана немного посидела на лежанке, потом поднялась и достала из сундука зеркало, заботливо завернутое в кусок полотна. Ее мучило тревожное, недовер-

чивое любопытство. А вдруг Громан сказал правду – о том, что касается зеркала. Ведь и когда она сама смотрела в него, ей вспомнился Зимобор, о котором она в последние месяцы совсем не вспоминала. А в зеркале он был виден так ясно, как живой! Может быть, это блюдо и впрямь самовидное? И в нем можно увидеть... «Я тебе покажу, как он вернется...» Но уж это никак не может быть правдой! Вспомнив предсказания жреца, Избрана твердо решила ему не верить, но все же взяла блюдо и повернула таким образом, чтобы на него падал отблеск от светильника.

Увидеть дальние страны, Явь, Навь и Правь! Надо же, чего захотел. Избрана смутно видела собственное отражение, искаженное наклоном зеркала. Лицо в полированной поверхности выглядело озабоченным и растерянным, изнуренным, некрасивым, даже жалким. Избрана разозлилась, на память пришли все неприятности, доставшиеся ей в последнее время. И ее еще обвиняют в том, будто она погубила Зимобора. Погубила! Вот еще! Станет она его губить! Он-то ушел себе на четыре стороны, ему и горя мало!

Громан сказал, что он вернется, а значит, он жив. Никто его не губил, он просто сбежал от всех тогдашних трудностей. Раньше она радовалась его исчезновению, открывшему ей путь к престолу, но сейчас в ней вспыхнуло негодование, обида, словно своим уходом Зимобор принес ей не успех, а беду.

«Хорошо тебе! Сбежал, и горя мало! – враждебным взгля-

дом сверля собственный отраженный взгляд, мысленно восклицала она. – А я, мало что со всей этой дрянью возись, так еще и тебя извела! Что, рад, братец любезный?»

«А ты не рада? – раздался в ее памяти голос Зимобора. Изображение в зеркале не изменилось, но Избрана была уверена, что слышит настоящий голос брата в ответ на свои упреки. Не в зеркале, но в воображении она видела его уверенное лицо и насмешливо прищуренные глаза. – Ты ведь этого хотела. Говорила, что ты не хуже мужчин, что умнее Буяра и знатнее меня, тебе и править. Ну и правь. Я-то тебе чем мешаю?»

«Хотела! – гневно ответила Избрана, и ей хотелось обернуться, найти взглядом брата, который был где-то совсем близко и только из вредности не показывался. – И не жалею! Это тебе стыдно, что сбежал! А я ничего не боюсь! Я вам всем еще покажу!»

«Ну, покажи, – невозмутимо согласился невидимый Зимобор. – Так и будешь всю жизнь всем доказывать и сама с собой воевать? Так и проживешь жизнь на войне. Это и есть твое счастье?»

Ответить на этот бессовестный вопрос Избрана не успела – опомнилась. В ужасе, как будто ее могли укусить, она отстранила зеркало и положила его гладкой стороной на стол.

Она видела Зимобора! Она видела брата и даже говорила с ним! Его голос, так хорошо знакомый, звучал у нее в ушах. Прав был этот старый пень! Блюдо – волшебное! Но

это открытие не порадовало, а еще больше испугало Избрану. Брат, о котором она старалась не думать, вдруг оказался совсем рядом с ней. Она видела его — так, может быть, и он видел ее? И он теперь знает, как трудно ей приходится? Нет, нет! Избрана затрясла головой и даже зажала уши руками. Ей померещилось. Она слишком устала сегодня, и старик слишком расстроил ее своими глупыми предсказаниями. Белый конь Перуна обещал ей победу, и следует помнить только об этом, а все остальное выкинуть из головы.

Избрана торопливо завернула зеркало в полотно и спрятала на самое дно сундука. У нее было слишком много сложностей и кроме него.

* * *

Княгине Избране пришлось изрядно помучиться, принимая решение, идти или не идти самой с войском. Благоразумие говорило за то, чтобы остаться в Смоленске: если она пойдет в поход, то народ неизбежно заговорит о «мече в руке женщины» и о «Марене на ее коне». Но внутреннее чувство подталкивало Избрану к другому решению. Она не хотела признаться даже самой себе, что из дома ее гнал смутный страх. Она боялась и отпустить бояр с войском в поход без присмотра, и остаться в Смоленске без войска.

Смоленск не слишком-то обрадовался известию, что верховный жрец схвачен и по приказу княгини сброшен в по-

руб. Бояре промолчали – Громан был сам виноват, не вовремя взявшись пророчить поражение в походе. Даже Секач смекнул: если в неудаче понадобится виноватый, лучше пусть это будет жрец. Народ поворчал, покачал головами, почесал в бородах. Но удалцов, готовых возмутиться громко, не нашлось, и все примирились с произошедшим, видя спокойствие княжьего двора и обиженное молчание святилища.

Но недовольство лишь ушло в глубину. Варяги Хедина принесли с торгового вестей, которые окончательно испортили Избране настроение. Слухи о пророчествах Громана просочились в избы и теперь всюду ходили среди простолюдинов.

– Люди говорят, что твой брат жив и скоро вернется, – рассказывал Хедин, однажды в полдень поднявшись к ней в горницу. – Гуннар и Вальбранд слышали сегодня утром такой разговор.

– Вот как? – Избрана резким движением руки выслала вон горничную девку и даже няньку, дремавшую за прялкой, хотя они с Хедином говорили по-варяжски и челядь не могла их понимать. – Кто это сказал?

– Говорят на торгу. – Хедин подождал, пока девка растолкает няньку и вместе с ней выйдет, а потом добавил: – Говорят, что он жив, что его видели и что он скоро будет в Смоленске с большим войском.

– Возьми их всех Марена! – едва выговорила княгиня. – Но ведь все это одна болтовня старого глупого... Или... Постой! Это пересказ все того же пророчества или кто-то на

самом деле видел его живым?

– Никто не говорит, будто видел его. Ты разве не знаешь, как толпа распространяет слухи? Один говорит другому: «А вот я слышал, говорят...», и люди верят, как будто это самая непреложная истина. Но то, что именно эти слухи охотно поддерживаются, означает, что наши дела... не слишком хороши.

Хедин помолчал. Избрана выжидательно смотрела на него. Убедившись, что она готова слушать, варяг продолжил:

– Это все означает, что твой народ задумался о другом князе. Может, он вовсе и не живой, но люди *хотят*, чтобы он был жив и мог вернуться. Вот это плохо! Послушай меня сейчас! – быстро добавил он, видя, что княгиня сделала досадливое движение и хочет его перебить. – Он ушел, не успев ни с кем поспорить. В том, кто далеко, никогда не видят недостатков. Он хорош уже потому, что далеко. Теперь все помнят только, как весело было с ним на пирах, какой он удалой охотник и все такое. Ты должна заставить их забыть о нем и думать о тебе. И если боги послали тебе войну, то это даже кстати. Ты выиграешь эту войну, и тогда никто не усомнится, что ты хороший князь.

– Войну еще нужно выиграть, – бросила Избрана.

– Разумеется, – невозмутимо сказал Хедин. – Князь всегда идет на войну, зная, что он ее выиграет. Иначе лучше совсем не ходить. И если ты настоящий князь, то ты не должна сомневаться.

Избрана сердито сжала губы. Смоленск сомневался в ней, потому что она женщина, и чужие сомнения заставляли и ее сомневаться в себе. Она прошла по горнице от стены к стене, глядя перед собой и не замечая ни узорных восточных ковров из разноцветной валяной шерсти, которыми были покрыты все лавки, ни бронзовых светильников, ни резных ларей и ларцов – всего того, чему она так радовалась прежде. Хедин сидел неподвижно, только поворачивал голову вслед за ней. Наконец Избрана остановилась и повернулась к Хедину. Она очень редко просила у него совета напрямую, но сейчас не могла решиться сама.

– Значит, я должна идти в поход? – спросила она.

– Я думаю, это будет для тебя самым правильным, – одобрил Хедин. – Ты умная женщина. Твоих бояр нельзя оставлять без присмотра.

– А Смоленск можно?

– Раз уж ты не можешь разорваться и тебе некого оставить вместо себя, умнее держать в руках войско. С войском ты всегда возьмешь назад Смоленск, а без войска будешь беззащитна даже в Смоленске.

Отойдя к окну, Избрана посмотрела вниз, но сквозь тонкие светло-серые пластинки слюды разглядела лишь несколько неясных фигур, движущихся через двор. Даже не поймешь, кто это... да не все ли равно? Ей было отчаянно жаль, что она не может разорваться надвое и что ей некого оставить вместо себя. Вокруг нее было множество людей, но

она не доверяла никому, кроме Хедина. Но оставить вместо себя Хедина она не может: варягов здесь не любят, и тогда власть немедленно захватит кто-то из бояр. Избрана вздохнула. У нее было тяжелое чувство, что она уперлась лбом в какую-то глухую и холодную стену. В этом углу она совсем одна.

Но колебания на этом кончились, и в тот же день княгиня объявила, что отправляется в поход. Красовит покраснел от досады: не хватало еще женщине вмешиваться в воинские дела!

– Сидеть бы тебе дома, матушка! – рявкнул он, и этот «совет» прозвучал настолько грозно, что слабого духом мог бы и сбить с ног. – Да испокон веков для войны воеводу выбирали, а князь дома сидел! А ведь раньше князьями мужчины были! Ты-то куда собралась!

– Я – княгиня, и мое место – впереди! Всегда! – жестко, с вызовом глядя в глаза сотнику, отчеканила она. – С князем войску удача, без князя – погибель.

– Вот то-то же, – себе под нос проворчал Блестан. – Без князя – погибель...

Но сидящие вокруг пока предпочли его не понять. Поруб на заднем дворе всем помнился, а княгиня оставалась такой же решительной и неуступчивой, как и в знаменательный день битвы коней.

Дождавшись окончания новогодних праздников, княгиня с войском выступила в поход. Через несколько дней, в по-

госте под названием Подгоричье, их ждали первые новости. Князь Столпомир с большим войском был совсем рядом. Он был уже в Ольховне, всего в двух переходах отсюда. Узнав об этом, Избрана невольно заломила руки: ведь если полочане прошли по Днепру, значит, Оршанск уже захвачен!

– Да может, и нет! – утешали ее бояре. – Может, Столпомир не по Днепру, а от озер пришел – зима же, и по болоту пройти можно.

– Но где же тогда Буяр?

– Может, в Оршанске пережидает. А может, вот-вот подойдет и Столпомиру в спину ударит.

Избрана велела послать гонца в Оршанск, но хороших новостей не ждала. Если бы Буяр был жив и дееспособен, он не мог бы не знать о том, что полотеский князь идет войной, а значит, уже дал бы знать сестре. Уж на такое простое дело у него бы ума хватило!

Однако о делах возле Оршанска в Подгоричье ничего не знали.

Зато здесь ходили смутные слухи о скором возвращении Зимобора.

Зная, что отступать некуда и придется принимать бой, княгиня старалась держать себя в руках, но все ее женское существо восставало против самого образа войны. Но сохрани Макошь от того, чтобы кто-нибудь догадался!

– И не страшно им было в Велесовы дни воевать! – сказал Предвар, один из старейшин смоленского поселения и вое-

вода ремесленного ополчения. Обыкновенно воям давались предводители из числа княжеской дружины, но Предвар никому не доверял своих людей и водил их в битвы сам, проявляя при этом немалую храбрость и сообразительность. – Во-евать нынче нехорошо. Нечисть разгулялась.

– Столпомир-то, как видно, оберег от зимней нечисти имеет! – вставил Блестан. Сердясь за последнюю ссору, княгиня не дала ему в этот раз сотни, и оставшийся десятником Блестан очень на нее обиделся. – Иначе тоже дома бы сидел. Чего ему не терпелось?

– Ждать не будем! – сурово сказала княгиня. Промедление было хуже смерти для ее неустойчивой решимости, и она хотела начать и закончить все как можно скорее. Как – Перун решит, но только не ждать, томясь дурными предчувствиями. – Вот только дозор вернется, и выступим!

Маленький дозорный отряд вернулся на третий день.

– Столпомир сам стоит с большим войском в Ольховне, – рассказывали кмети. – А передовой полк он уже вперед выдвинул, мы его видели в лесу.

– Двигаться надо вперед да передовой полк и разбить! – тут же высказался Красовит и потрянул могучим кулаком. – Ждать нечего. Дал бы Перун, чтобы Столпомир сам с передовым полком был. Его разобьем – и делу конец.

– Зачем же конец? – Блестан усмехнулся и коротко глянул на княгиню. – Можно и дальше пойти. У него, у Столпомира-то, тоже в погостах кое-что припасено. Нам пригодится.

Заберем себе Витьбеск, своего воеводу там посадим – и во-
локи будут наши.

Кмети одобрительно зашумели. После недавнего голода
все мечтали разжиться чем-нибудь у соседей.

– Завтра поутру выходим! – распорядился Красовит.

– Выходим, – подтвердила Избрана и кивнула. Все-таки
последнее слово должно остаться за ней.

* * *

Вечером Избрана долго не могла заснуть, а когда просну-
лась, то подумала, что дремала не больше мгновения и сей-
час по-прежнему глубокая ночь. В горнице княжеского те-
рема Подгоричья было совершенно темно, пахло дымом, но
печка остыла, и кончик носа у княгини был совсем холод-
ным. Она чувствовала себя глубоко несчастной в этой неуют-
ной, необжитой, большую часть года пустующей горнице,
среди этой холодной тьмы, среди запаха стылого дерева, ис-
ходящего от стен. Избрана готова была удивиться, каким об-
разом ее сюда занесло, но тут же разум, вялый и со сна не го-
товый сопротивляться совести, дал ответ: ты сама этого хо-
тела. Кто гнал тебя из Смоленска? Вот тебе – война, и это еще
не самое худшее, что может быть. Войско вообще на снегу
ночует, у костров.

Пытаясь скорее заснуть опять, Избрана перевернулась на
другой бок, но это не помогло. В щели под одеяло проле-

зал холодок, нянька громко сопела на лавке. В тесном тереме на всех не хватало места, и Избране пришлось пустить в спальню не только обеих своих женщин, но и двух отроков. В верхних сенях тоже храпели на разные лады.

В дверь тихо постучали, послышался голос Хедина:

– Уже утро. Нужно вставать. Ты слышишь, княгиня?

– Слышу, – сердито ответила Избрана и решительно вышла из-под одеяла.

Пока она одевалась, внизу, в гриднице, и на дворе тоже зашевелились, стали раздаваться голоса. Сидя на лежанке, Избрана торопливо дергала костяным гребнем волосы, резкими взмахами отгоняя няньку, которая в глупом усердии все лезла помочь. Избрана вообще не любила, когда к ней кто-то прикасался, а в плохом расположении духа вовсе не терпела этого. А куда уж хуже, чем сейчас!

Дружина готовилась к битве, еще до вечера все будет решено. Избрана собиралась ехать с войском и даже жалела, что ей придется остаться позади и в саму битву ей дорога закрыта. Опасность ничего для нее не значила, даже гибель казалась пустяком по сравнению с этим мучительным и тревожным ожиданием. Сердце сильно билось, в груди как будто колола острая спица, и дух захватывало, как от холодной воды. Где взять сил, чтобы дожить до победы? О поражении Избрана даже не думала. Но изгнать из души тревогу не получалось – для безмятежной надежды на лучшее она была слишком умна, а для несокрушимой веры в свои силы – недо-

статочно сильна. Что за наказание сидеть и ждать, зная, что ничего не можешь сделать!

В дверь без стука вошел один из Красовитовых кметей и доложил:

– Там к воротам какая-то дружина идет. Человек сорок. Может, дальше еще есть, да темно, не видать.

– Где воеводы?

– Да все на стенах.

Избрана встала из-за стола и кивнула. Известие о войске ее не испугало. Чем раньше что-то начнет происходить, тем лучше. Кметь вышел так же поспешно, как и вошел, и застучал сапогами вниз по лесенке.

В густой предрассветной мгле с заборола нелегко было что-то разглядеть, и Избрана нахмурилась, бросила недовольный взгляд на небо, но глухая серая пелена не пропускала даже лучика света. Возле опушки, перестрелах в двух от стены городища, шевелилось что-то темное. Слышался неясный шум – скрип снега под множеством ног, позвякивание железом оружия, человеческие голоса.

– Давай! – Красовит махнул рукой кметю с боевым рогом в руках.

Но еще прежде, чем тот успел поднять рог ко рту, с опушки раздался звук такого же рога.

– Огненный Сокол! – охнул кто-то рядом с Избраной. – Наши!

– Какие наши? – с досадой воскликнула она. – Откуда им

взяться в той стороне?

– Могли задние догнать, – подсказал кто-то из бояр, но не слишком уверенно.

– А мог и Столпомир притвориться, – добавил Предвар, и Избрана промолчала – она была с ним согласна. – Будто они наших ключей не знают? А мы ихних... Хе-хе...

– Эй! Открывайте ворота! – тем временем кричали снизу едва различимые в полутьме фигуры. – Княжеское войско еще здесь?

– Ишь ты! Войско ему! – проворчал рядом с Избраной Благовид, воевода одного из ранее пройденных городков. Он был старше всех в дружине и своим добродушным спокойствием любому походу придавал какой-то домашний облик. – Чего захотел!

– Вы сами-то кто такие? – закричал в ответ воевода Подгоричья.

– Мы – дружина Буяра Велеборича!

По заборулу пролетел общий крик. Все заговорили разом.

– Буяр!

– Княжич!

– Золотой Сокол!

– Как же он? Его ждали, а?

– Вот нам и подмога!

– Эй! – кричал снизу хорошо знакомый голос, и теперь сомневаться не приходилось: возле ворот был сам Буяр. – Открывай! Кто у вас там старший?

– Открывайте! – велела Избрана, хотя Красовит уже послал нескольких кметей вниз, к воротам. – Вот лешие принесли!

Она хотела надеяться, что Буяр явился договориться о дальнейших действиях, но боялась, что он уже разбит. А что такой веселый – это ничего не значит, при его пустой голове что же не веселиться?

Где-то в глубине шевелилась предательская мысль: вот приехал мужчина княжеского рода, теперь можно переложить на него всю ответственность за эту несчастную войну, и пусть он справляется, на то он и мужчина! Она не показывала вида, но если бы Буяр сейчас потребовал от войска подчиняться ему одному, Избрана не возражала бы. И пусть тогда он за все это отвечает!

Дружина входила в город, и впереди ехал сам Буяр. Почти бегом спустившись с заборола, Избрана бросилась наперерез его коню.

– Ну, что у тебя? – напустилась она на брата. – Сколько у тебя людей? Ополчение собрал? С полочанами встречался?

– Новости есть! – огрызнулся Буяр. – Такие новости, что ты, сестра, в жизни своей такого не слышала!

Вокруг них ходили и толпились кмети из обоих дружин, отблески факелов освещали лицо Буяра, которое сейчас показалось Избране необычным – неуверенным, недовольным, даже пристыженным. Избрана никогда его таким не видела и сразу поняла: он говорит правду, случилось и впрямь нечто

необычное и совсем не приятное, о чем не стоит рассказывать на улице перед воротами.

– Пойдем! – бросила Избрана и повела его в терем.

Буяр ввалился в горницу, даже не отряхнув снег с сапог, без приглашения плюхнулся на лавку, содрал с головы шапку и яростно взбил пальцами нечесанные кудри.

– Попали мы с тобой, сестра, как медведь на рога-тину! – заявил он. – Все, не править нам тут больше.

– Да что случилось, говори! Что, у князя Столпомира войско – десять тысяч с тьмою?

– Войско у него не знаю какое, я всего войска не видел. Зато видел я там этого... нашего... – Буяр опустил голову, глядя на свою шапку. – Ну, короче, Зимобора.

– Зим... – Избрана даже не смогла выговорить хорошо знакомое имя и села, как подкошенная, чуть ли не мимо лавки. – Ты сам его видел, или это опять – одна баба на торгу сказала?

– Сам видел, сам! – Буяр помахивал своей шапкой, держа ее между колен, и не смотрел на сестру. Ему было стыдно, и это означало, что и он наконец-то повзрослел. – В Оршанске. Он со Столпомиром пришел.

– Со Столпомиром? Как так? Откуда? Почему он с ним? Прямо так взял и пришел?

– Ну, не совсем так. Там у Столпомира город есть, Радегощ. От Оршанска еще переход...

– Знаю!

– Ну, мы с тамошними на охоте встретились, они у меня оленя перехватили. А я пошел и Радегощ взял. Не весь, посад только. Людишек угнал, припасов всяких.

Избрана схватилась за голову. Она так и знала, что от младшего брата будут одни неприятности. Но неприятности эти оказались так велики, что у нее не находилось слов. Выходит, этой войной она обязана дурацкой удали собственного брата!

– А потом Столпомир с войском пришел. И Зимобор с ним. Уж не знаю, как он к нему пристал. Наверное, как от нас ушел, так и к нему.

– Но никто не говорил, что Зимобор в Полотеске! Я же спрашивала. Я же всех спрашивала!

– Говорю же, сам видел. Он мне сначала другое имя сказал. Я, говорит, Ледич из Столпомировой дружины.

– А ты его не узнал?

– Он в шлеме был, варяжском, закрытом, ну... Откуда же я знал! Кому бы в голову пришло? Ну, одолел он меня. – Такое признание Буяру далось нелегко, но то, что предстояло, было еще хуже. – Еще бы не одолеть... Он вон старше... – бормотал Буяр, то ли Избране, то ли самому себе. – Ну, убить он меня не убил...

– Вижу! – отозвалась Избрана, в досаде почти жалея, что милый младший братец все-таки уцелел.

– А взял с меня клятву против него не воевать и признать, как старшего брата, вместо отца, – наконец выговорил Буяр.

– И ты поклялся? – Избрана смотрела на него как на предателя. Буяр не поднимал глаз, но ее взгляд жег ему затылок.

– А что мне было делать, если он мне меч к горлу приставил? Был бы другой кто... А то все-таки брат... Старший... Что же, пусть бы он своей рукой меня убил... Ну, в общем, я больше не воюю! – Буяр тряхнул шапкой, словно подводя черту под своей прежней жизнью. – Ты, сестра, как хочешь. А я и моя дружина... Мне дружину только так и отдали, что я за нее тоже клялся не воевать. И то, десятников всех троих он в залог оставил.

– А в Оршанске что?

– А я откуда знаю? Я оттуда прямо сюда. Он там еще оставался.

– Не знаешь! – с презрением глядя на него, отчеканила Избрана. – Не знаешь, что с твоим городом делается! Да если у нас такие все князья, как ты, то вас не то что я, а любая сельская баба побьет!

– Ну, короче, сама воюй! – Красный от досады Буяр поднялся и махнул шапкой. – Без меня, короче...

Из-за суеты и беспорядка, возникших с приездом Буяровой дружины, выступление пришлось отложить. О внезапном появлении Зимобора Избрана велела никому не рассказывать, пытаясь оттянуть то, что сама невольно уже начала считать неизбежным. Предсказание Громана сбывалось у нее на глазах, но Избрана не желала с этим мириться. После всего, что уже произошло, возвращение старшего из братьев,

да еще со Столпомировыми полками за спиной, было ее гибелью. В честь приезда княжича в дружине затеялся пир, и даже Избрана какое-то время посидела в гриднице, вот только сделать веселое лицо ей оказалось не по силам.

* * *

Утром дружина была готова к выступлению еще до рассвета. Лица выглядели помятыми, но вполне трезвыми. Секач и Красовит намекали княгине, что ей лучше остаться и здесь ждать от них вестей, но она коротко мотнула головой. Остаться и ждать было хуже смерти.

Зеркало Избрана взяла с собой. Оно уже стало казаться ей чем-то вроде оберега.

Около полудня небольшой дозор, один из тех, что рассылали вперед и по сторонам следования войска, вернулся с известием, что полотеское войско замечено поблизости.

– Их сотни четыре всего, – рассказывали дозорные. – Передовой полк. Столпомир, видно, следом идет.

– Пусть идет! – мрачно сказал Красовит. – Как дойдет, так передового полка своего не найдет! Четыре сотни! Да я его и один...

– Один ты в отхожий чулан пойдешь! – грубо оборвал его Секач, и сейчас Избрана, как ни мало любила воеводу, полностью одобрила его ответ. – А на Столпомира пойдем все вместе! Давай труби!

Заснеженная река, по которой двигалось войско, вывела смолян на довольно широкую луговину, со всех сторон ограниченную лесом. Это было самое подходящее место для битвы, поскольку дальше тянулись лесные дебри, непроходимые и не пригодные ни для каких сражений. Войско остановилось, бояре принялись равнять ряды, распоряжаться. Красовит и Секач спорили, надо ли пройти вперед на случай, если полочане испугаются и не захотят выходить на открытое пространство. Избрана старалась прислушиваться к их спору, но не вмешивалась. Еще девочкой она любила слушать, как отец обсуждал с дружиной ратные дела, и на словах понимала все очень хорошо. Сторожевой полк, передовой полк, пешая «стена», конное крыло, засадный полк... Вот только как всем этим распоряжаться, когда все твои полки собраны на не слишком широкой луговине, где люди и кони вязнут в снегу, а вокруг лес, в котором ничего не видно? Пусть уж Секач сам делает, как знает.

– Да надо пеших вперед пустить, пусть снег вытопчут, а потом уж конных! – долетало от кучки бояр.

– Ну, давай я его обойду! Обожем и задавим! А то он в лес отойдет, и поминай как звали! Ну, я его зажму! – твердил Красовит.

Секач ответил со своей обычной грубой прямоотой, и Избрана отвернулась, сделав вид, что ничего не слышала. Впрочем, на ее никто сейчас не смотрел. «Видишь? – вдруг подумала она, мысленно обращаясь к зеркалу, а имея в виду

Зимобора. — Вот они тут что творят. А все ты!»

Из перелеска послышался звук боевого рога. Полочане, не уstraшенные численным превосходством смолян, собирались принять бой. Впрочем, это никого не удивило: на их месте смоляне поступили бы так же, а давние противники обвиняли друг друга в чем угодно, но только не в трусости.

— Ты бы отошла, княгиня. — Благовид, все с тем же добродушным лицом, которого не мог изменить даже шлем со стрелкой поверх носа, тронул Избрану за локоть. — А то еще стрельнет какой-нибудь чурбан...

Избрана не ощущала в себе глупого желания скакать впереди полков с тяжеленным мечом в руке, поэтому она кивнула и направила коня назад, к опушке. Войско уже выдвинулось вперед, на истоптанном снегу вокруг нее осталась только дружина Хедина.

— Ей, крутолобые! — весело кричал спереди какой-то кметь из Красовитовой дружины. — Что отстали? Потом добычу делить не пустим!

Варяги на этот раз предпочли сделать вид, что не поняли. А Избрана сердито поджала губы: добычу еще добыть надо!

Из-за рощи показалось полотеское войско. Несколько десятков человек неровной и не слишком грозной толпой, неуклюже переваливаясь в снегу, выкатились на открытое место, и Избрана все не могла убедить саму себя, что это — начало настоящей битвы, первой и самой важной битвы в ее княжении.

Секач крикнул, в полочан полетели стрелы. Те вскинули щиты и ускорили шаг. За спинами передних появлялись все новые и новые фигуры, по примятому снегу бежать было легче, и казалось, что там, за лесом, сорвалась какая-то лавина и теперь эти фигурки в железных шлемах будут катиться и катиться, бесконечные, как речные волны... На открытом месте перед рощей их уже было много, все казались одинаковыми и проворными, как муравьи. Избране стало жутко, захотелось немедленно остановить все это.

Вперед выехал всадник со щитом, поднял руку и замахал еловой веткой.

– Секач, назад! – закричала Избрана, боясь, что ее уже не услышат. – Узнай, что ему надо! Кто это?

Секач опять заорал. Не так уж он был глуп и кровожаден, чтобы слепо стремиться в драку.

– Тише, тише! Дайте послушать! – закричали с разных сторон.

Оба войска, усмиренные воеводами, приостановились двумя неровными темными массами. Избрана снова выехала вперед. Два варяга прикрывали ее щитами на всякий случай.

Полоцкий всадник подъехал ближе. До него было всего шагов двадцать. У Избраны вдруг что-то оборвалось в груди и внутри все похолодело. В отличие от Буяра она была подготовлена к встрече. Она ждала его, не хотела верить слухам, но против воли надеялась, что он появится, – и вот он появился! Еще не видя лица под варяжским шлемом, она

узнавала фигуру, рост, посадку в седле. Ее обуревало сразу множество чувств. Глупая радость, для нее самой неожиданная, — только теперь она поняла, как жутко и больно было думать, что он мертв. И сразу же негодование, возмущение, яростная решимость отстаивать свое право — ведь он пришел, чтобы отнять у нее власть, почет, может быть, саму свободу и жизнь! И вся эта смесь добрых и злых чувств вызывала такую бурю в душе, что на глазах Избраны выступили слезы. Слезы мешали видеть, и она совсем не по-княжески вытерла их рукавом шубы. Гладкий шелк, которым была покрыта шуба, не стер, а только размазал слезы, оставив на щеках мокрые холодные дорожки, но Избрана этого не замечала — все ее чувства были прикованы к этому всаднику на вороном коне, всаднику в закрытом варяжском шлеме, в кольчуге с каемкой из медных колец, в стегаче из бурой кожи. Вещи все были незнакомые, но это был он. Ее брат Зимобор.

Он тоже увидел сестру и направил коня в ее сторону. Они остановились друг против друга, на расстоянии в десяток шагов. Так, должно быть, в начале времен Перун со своим огненным войском стоял напротив Марены, своей сестры и соперницы, за которой вытянулось черной стеной войско мертвых. Избрана была вовсе не похожа на Марену, — в шубе, покрытой ярким алым шелком, в красной шапочке поверх платка из тонкой белой шерсти, с длинной светлой косой, в красных сапожках, она была так красива на своей гнедой кобыле, чья сбруя блестела позолоченными накладками, что

любой принял бы ее за невесту, приехавшую к жениху.

Но тот, кто стоял напротив, не был похож на жениха. Вороной конь, простое оружие и снаряжение как у обычного кметя – все так не сочеталось с ярким обликом Избраны, что само это противоречие несло угрозу. Казалось, они такие разные, что им двоим нет места на земле.

Всадник пристроил еловую лапу перед седлом, расстегнул шлем и снял его вместе с подшлемником. По передним рядам смоленского войска пробежал гул.

– Здравствуйте, днепровские кривичи! – Зимобор поклонился, сидя в седле, и пятерней зачесал назад отросшие кудри, чтобы всем было хорошо видно его лицо. – Здравствуйте, смоляне! Узнали меня? Это я, Зимобор, сын Велебора смоленского. Я вернулся.

– Откуда ж ты вернулся? – раздался крик из смоленского войска. – Морок ты, что ли?

– Не морок я, Шумила. – Зимобор обернулся на знакомый голос, быстро нашел в передних рядах знакомое лицо своего собственного бывшего кметя и улыбнулся. – А другие наши есть?

– Есть! Есть... – прозвучали голоса с разных сторон. Кмети из бывшей Зимоборовой ближней дружины смотрели на него как на восставшего из мертвых и проталкивались в первые ряды – сами не зная зачем.

– Не с того света я вернулся, но – издалека, – ответил Зимобор. – И вины моей нет в том, что далеко пришлось побы-

вать. Но все равно прошу – простите, смоляне, что уходил. Теперь вернулся. И снова говорю: смоленский стол – мой по праву, ибо владели им мой отец и дед, и старше меня у них наследников нет. Не хочу вашей крови проливать, потому что вы, смоляне, – мое племя и мой род. Признайте меня вашим князем, и будет в Смоленске мир и закон.

– У нас есть княгиня! – крикнул Красовит, пока никто не успел опомниться, и впервые Избрана испытала к нему доброе чувство. – Нам других не надо!

– И все вы так говорите, смоляне? – Зимобор обвел глазами ряды дружин.

Вместо внятного ответа прозвучал шум, как будто лес загудел под ветром. Люди не знали даже, живой ли человек стоит перед ними на самом деле, где уж им было разбирать княжеские права! Все думали, что с этим вопросом давно покончено.

– Я не за тем вернулся, чтобы назад уйти, – снова заговорил Зимобор. – И право мое буду оружием отстаивать. Ну, сестра! – Он впервые обратился прямо к Избране, и она вздрогнула. Она сейчас так боялась своего воскресшего брата, что ей было стыдно перед самой собой. – Что теперь скажешь? Сама будешь биться со мной или поединщика за себя выставишь? Кого? Братца Буяра я уже побил. Давай другого – тоже побью.

– А если не побьешь? – нахально спросил Секач.

– А если я не побью – у меня войско есть. – Зимобор кив-

нул назад, к опушке. — Крови своего племени проливать не хочу и не хочу, чтобы вы, мой род, против законного князя бились. Но если придется — будем воевать.

— Так и ждать нечего — вперед, смоляне! — рявкнул Секач и вскинул щит. — Перун с нами! Ты — полотеский выкормыш, а не князь наш!

— Перун! — заорал Красовит, за ним другие воеводы. — Вперед! Бой!

В Зимобора полетело несколько стрел, и он быстро закрылся щитом. В щит вонзились две стрелы. Вскинув коня на дыбы, Зимобор быстро развернул его и поскакал назад, закрывая щитом спину. Зеленая еловая лапа отлетела в сторону.

В передних рядах смолян затрубил рог, дружина Красовита с криком побежала к опушке. Сам он был впереди, размахивая мечом над головой и крича что-то удалое и неразборчивое. Прочие полки сначала застыли в нерешительности, и Избрана испугалась, что они не пойдут, — но они все-таки поддались порыву, дрогнули и устремились вперед, за стягом Секача, где были вышиты огромные кабаньи клыки, как два хищных полумесяца.

Хедин схватил узду ее лошади, развернул и потащил назад. Навстречу им текло войско, трещали, сталкиваясь, щиты, блестели железные шлемы, смоляне орали, сами не зная что, и бежали как-то неуверенно. Несколько человек не бежали — это были кмети из бывшей Зимоборовой дружины, и

привычка сражаться за него, а не против него, не давала им сделать ни шагу.

Избрана пыталась оглянуться, но бегущее вперед войско закрыло полочан от ее глаз. Позади слышались железный лязг, вопль, треск щитов, раздавалось ржанье боярских коней, боевые кличи, яростная ругань и первые крики боли. Все смешалось, и она уже с трудом могла понять, что происходит там, у опушки заснеженного тонконового березняка.

* * *

Разбиты! Избрана вновь и вновь твердила про себя это слово, и каждый раз оно заново обрушивалось на сознание тяжелым ударом. Она так и не поняла, что же там произошло. Хедин пытался объяснить ей, что засадный полк полочан, вдвое превышающий передовой, лесом обошел поляну битвы с другой стороны и напал на смолян сзади. Во главе засадного полка стоял сам князь Столпомир. Смоленское войско оказалось зажато между двумя вражескими полками. Передовой и засадный полк дружным натиском рубили мечами, кололи копьями, не давая смолянам даже поднять оружие в толкотне. Дошло до того, что засечинского боярина Преждана, раненного в руку и упавшего, подкочинская дружина пыталась убить, приняв за противника. Об этом рассказал он сам, с несколькими кметями встретившийся Избране уже после конца битвы.

Но не подробности произошедшего нужны были Избране. В голове не укладывалось, что они разбиты, – случилось то самое, чего она так боялась, что не хотела допускать даже в мыслях. В ней ожило чисто детское неверие в поражение – так не бывает, «наши» всегда должны побеждать! Для днепровских кривичей и для нее самой это поражение могло повлечь такие тяжелые последствия, что даже сейчас, вслед за Хедином пробираясь по заснеженному лесу, Избрана морщилась и потряхивала головой, надеясь проснуться.

Хорошо, что рядом с молодой княгиней оказался Хедин, знакомый с поражениями и умеющий их переносить. Когда почти в лоб его дружине выскочил из леса засадный полк Столпомира, варяг сразу понял замысел полотеского князя и мгновенно принял решение.

– Назад! – на родном языке закричал он своей дружине, не выпуская повод княгининой лошади. – В лес! Быстро!

Более того: он догадался схватить собственный плащ, перекинутый через седло, и набросить его на Избрану, чтобы скрыть ее слишком яркую красную шубу, в которой ее фигура была хорошо заметна. Потеряв ее из виду, полочане в общем свалке не обратили внимания на небольшой варяжский отряд.

Никто их не преследовал. Хедин стремительно уводил дружину прочь от места битвы и тянул за собой Избрану. Они ехали прямо через лес, по какой-то еле заметной тропке, ехали ужасающе медленно, но быстрее двигаться через

такие глубокие снежные завалы не смогли бы ни люди, ни кони. Избрана старалась не думать о том, что преследователи по притоптанному снегу поедут гораздо быстрее и нагонят их, но невольно втягивала голову в плечи. Помня, что княгиня не должна показывать страха, она старалась распрямиться, но страх пригибал ее, как тяжелый мешок на плечах.

Хорошо, что людям было не до того и почти никто на нее не смотрел.

Ветки били ее по лицу, зеленые лапы тыкали заснеженными иголками в лицо. Она пыталась что-то крикнуть Хедину, то ли спросить, то ли приказать, но сама плохо понимала что, а он даже не оборачивался. Сейчас он гораздо лучше знал, что делать, и она не могла ни приказывать ему, ни советовать. И Избрана скоро замолчала. События били и бросали ее, как весеннее половодье щепку, а она не только не могла что-то изменить, но даже понять, что происходит. Она была так мала, а весь этот поток – лес, люди, крики и суета – так огромен!

Звуки битвы давно затихли вдаль, вокруг сомкнулся лес, но отряд не замедлял шага. Хедин надеялся успеть вернуться в Подгоричье раньше, чем до него дойдет Столпомир полотеский.

Но осуществить этот замысел было не так-то легко. На единственной дороге вдоль Днепра теперь был Столпомир.

– Может быть, нам не стоит идти в Подгоричье, – сказал Хедин чуть погодя, когда Избрана наконец взяла себя в ру-

ки и стала способна к разумной беседе. – Столпомир тоже пойдет туда. Даже если мы успеем раньше, то уже утром или завтра он окажется под стенами. Если ты не хочешь попасть к нему в руки вместе с Подгоричьем...

– Не хочу! – решительно ответила Избрана. Вместе с самообладанием к ней вернулось и ощущение, что она опять отвечает за все, хотя бы потому что уцелела. – Нужно что-то делать! Здесь есть рядом еще какой-нибудь город?

– Не знаю. Я никогда здесь не бывал.

– Если в Подгоричье нельзя, надо обойти его и пробираться к Смоленску! Иначе Столпомир придет туда раньше нас! И надо попытаться собрать остатки войска. Не может быть, чтобы никто не уцелел!

– Поживем – увидим! – с удивительным спокойствием отозвался Хедин.

Он понимал, что даже уцелевшие остатки войска им теперь не помощники. Он спас княгиню от плена или даже смерти, но все скажут, что она сбежала, бросив войско. И все, что от этого войска останется, немедленно признает власть Зимобора.

– Кроме того, с ними твой старший брат, – добавил Хедин. – А значит, нам следует попытаться сберечь хотя бы свою жизнь и свободу.

Избрана хотела возмутиться, но промолчала. Возвращение Зимобора стало действительностью, и даже она больше не могла с этим спорить.

И она проиграла ему первую же битву. Безнадежно проиграла.

Но что же это получается? Она больше не княгиня? Это было бы крушением всей ее жизни, и Избрана именно потому никак не могла поверить в несчастье, что оно было слишком велико. Ее главная цель, мечта, ненадолго давшаяся ей в руки, выскользнула, вырвалась, словно злая судьба издевается над ней!

Но вскоре на душе у нее стало чуть полегче. Они встретили сначала Предвара с десятком воев и несколькими прибившимися кметями, потом еще кое-кого. Все они, проскочив между сжимающимися рядами полочан, ушли в лес, и, по их словам, таким же образом уцелело немало людей. У воеводы с Кузнечного ручья была перевязана рука, но выглядел он бодро. Четверо взрослых сыновей, которых он брал с собой в поход, все были при нем, только двое – с незначительными ранами, и он верил, что все еще уладится.

– Мы в Удалье направляемся! – говорил Предвар, тоже обрадованный встречей с княгиней. – Тут село неподалеку, я людей оттуда знавал, на торг к нам приезжали, а один наш мужик оттуда невесту для сына взял. Почти что родичи будем, примут, не прогонят! В Подгоричье-то теперь Столпомир не пустит. А в Удалье пересидим, хоть раны перевяжем. А там и видно будет!

Село, не имеющее никаких укреплений, два десятка мужиков с рогатинами и топорами едва ли могли послужить

настоящей защитой, но сейчас Избрана была рада хоть какому-то пристанищу. Короткий зимний день кончился, небо потемнело и опустилось ниже, лес встал черной неразличимой стеной – ей было жутко и хотелось увидеть крышу над головой, отогреть заледеневшие ноги, снять тяжелую шубу и хоть ненадолго ощутить покой.

К тому же никто не догадается искать ее там.

Под предводительством Предвара двинулись увереннее. До темноты, понемногу подбирая своих, смоляне кружили по лесу, пока наконец на пригорке не показалось темное скопище изб. Никакой ограды вокруг не было, но от дороги село отделялось чем-то вроде ворот – двумя резными столбами, где на вершинах были вырезаны лица и бороды, а в руках – топоры с громовыми знаками. Это были чуры – родовые бо-жества и деревянные обереги от нечисти, которым здесь, за неимением настоящего святилища, приносили жертвы.

Удальские жители ничего не знали о битве, хотя смутные слухи о войне сюда просачивались. Староста, и впрямь узнавший Предвара, присел и хлопнул себя по коленям, увидев перед въездными столбами целую дружину – несколько бояр без войска, кметей без оружия, с кровавыми повязками на распоротых рукавах. Княгиню, завернутую в плащ Хедина, даже не сразу заметили, и впервые в жизни ей не хотелось привлекать к себе внимания. Предвар шепнул что-то старосте, тот подозвал какую-то бабу, и баба наконец увела Избрану в женскую половину избы за занавеску. Разбитая телом и

утомленная духом, она уже едва понимала, что происходит вокруг.

Там с нее сняли шубу и сапожки, уложили на лежанку, укрыли одеялом и принесли брусничного отвара с медом. Избрана выпила, чтобы согреться, легла и накрылась шубой с головой. В чужой несвежей постели было душно и неприятно, но ей так хотелось спрятаться от всего света, что она ни на что не обращала внимания. Весь мир был сумрачным, глухим и тяжелым, как эта черная изба, где за плотно висящим дымом нельзя было даже разглядеть обстановки. Последняя часть дороги, это село, расплывчатые пятна лиц, темные дыры низких дверей едва касались ее сознания.

Смоляне набились во все постройки, вповалку устроились даже в банях и овинах. Тем, кто не поместился, пришлось раскидывать шатры на снегу. До голодных годов село было довольно богатым, держало много скота, и теперь кмети устроились в опустевших хлевах, развели костры прямо на земляном полу, сжигая остатки перегородок.

Бояре сидели с мужчинами-хозяевами за столом, шел разговор о битве, но Избрана не слушала. Оставшийся позади день казался невероятно длинным, даже не верилось, что она оставила горницу в княжьем тереме Подгоричья всего лишь сегодня утром. Уложенная на неведомо чью лежанку, княгиня Избрана натягивала шубу на голову, желая спрятаться от всего пережитого за день, как пугливый ребенок прячется от кикиморы. Ее наполняли чувства стыда и до-

сады, а завтрашний день казался таким неясным и пугающим, что Избрана изо всех сил старалась заснуть, чтобы хоть немного отдохнуть от томительной тревоги. Эту тревогу она ощущала всем телом, как тяжесть шубы на плечах.

* * *

Следующий день выдался ясным, и смоленская дружина немного воспрянула духом. Смутная надежда, что «все еще обойдется», витала в воздухе и несколько просветляла лица во время ранних сборов в дорогу. Избрана почти успокоилась: в конце концов, ни в какой войне одна-единственная битва ничего не решает. Если князь проигрывает войну из-за того, что в решающем сражении его конь потерял подкову, это значит, что соотношение сил заранее было безнадежно. А здесь не так! Смоленск не слабее Полотеска, и княгиня Избрана была полна решимости это доказать.

За ночь бояре решили не соваться сразу в сторону Смоленска, не выяснив предварительно, что там и как, и временным пристанищем выбрали городок Радомль, стоявший подальше на север, на реке Березине. Если Столпомир не пойдёт сюда сразу, то можно будет переждать здесь, пока соберётся ополчение северо-западной части княжества.

Тронувшись в путь на рассвете, дружина подошла к Радомлю около полудня. Это было старое населенное место: род боярина Радома обитал здесь уже больше полувека, при-

чем хозяин рассказывал, со слов своего отца, что его дед, тоже Радом, пришедший сюда с берегов далекой реки Дунай, застал на мысу какие-то старые укрепления в виде безнадежно оплывшего вала. Копая ямы под свои полуземлянки, родовичи часто находили старые черепки и косточки. Вал они насыпали снова, поверх укрепили его частоколом из толстенных бревен, и теперь городок на мысу стал настоящей крепостью.

Маленький серый бревенчатый городок казался частью зимнего леса, и только дымы над крышами говорили о том, что здесь живут люди. Зато ворота были открыты, а среди толпившихся там людей Избране сразу бросилось в глаза хмурое лицо Красовита.

– А вот и княгиня! – Он тоже отчасти ей обрадовался и вяло помахал рукой. – Я так и знал, что вы найдете. Тут у нас почти сотня – Блестан считает. Мы тут уже с вечера. Вы-то где пропадали? Да своих тут пять десятков, если всех собрать. Да может, еще кто подойдет. А батя на охоте. Дружину-то кормить надо!

Вот как – и Секач здесь! Но и этому Избрана отчасти обрадовалась – ведь именно он послал дружину в бой, не дав Зимобору противника для поединка. Пусть теперь сам и отвечает за последствия.

Боярский двор был битком набит смолянами, так что для княгини с трудом нашли место в горнице, где жили женщины Радомовой семьи. Но все-таки это был настоящий дом:

с печкой, с лавками, лежанками и сундуками, а у боярыни нашлись для нее горячая баня, чистая рубашка, чулки и все прочее.

Едва передохнув и приведя себя в порядок, Избрана послала за Красовитом. Как он рассказал, сломив сопротивление смолян, Зимобор сразу предложил сдаваться, обещая всем сдавшимся безопасность. И сдались почти все. Только Секач с сыном и еще несколько бояр, наиболее ярых сторонников Избраны, предпочли уйти в лес, опасаясь, что на них милосердие нового князя не распространится. И если все же другого пути не будет, то гораздо выгоднее прийти к нему добровольно и ставить условия, чем стать пленниками и вымаливать себе прощение.

Как и сама Избрана, Секач рассудил, что отсиживаться лучше именно в Радомле. Здесь он не терял времени даром и уже отправил кметей к Подгоричью и по округе – разузнать, где Столпомир и на какие силы смоляне могут рассчитывать.

– Узнаем, какие дороги нам открыты, тогда и двинемся, – хмуро закончил Красовит. – А пока пожрать бы чего...

С едой было плохо – боярин Радом уже отослал в Смоленск свою дань, и его запасов едва хватало на прокорм собственных домочадцев. А то, что у кметей нашлось с собой, они подъели в пути. Обоз остался на поле битвы, а пути в Подгоричье, где хранились какие-то запасы, перерезал Столпомир полотеский. Конечно, отказать княгине в миске каши хозяин не мог, но дружине пришлось потерпеть до возвра-

щения Секача с охоты. А того, что он привез, едва хватило на один день.

Назавтра вернулись кмети, посланные к Подгоричью. Столпомир полотеский уже был в городе, причем взял его без битвы, голыми руками. Старейшины сами открыли ворота, едва узнали, что войско княгини разбито, и увидели вернувшегося Зимобора.

Избрана порадовалась, что не отправилась туда после битвы, но эта весть означала, что остаткам смоленский дружины закрыта дорога назад.

Выслушав гонцов, дружина молчала. Говорить ничего не хотелось.

– Ну, если все, то я поехал, – мрачно сказал из угла Красовит.

На его гордости поражение сказалось тяжело, и он был непривычно замкнут и молчалив. Избрана заметила его, только когда он подал голос, а ведь раньше, в Смоленске, ей часто казалось, что Красовита слишком много.

– Куда? – Избрана глянула на него.

– В лес! Жрать-то чего-то надо!

Кмети загудели. Дружине грозил настоящий голод.

– Может, у смердов в закромах пошарить? – предложил кто-то из десятников.

– Да здешние сами к весне лебеду жуют! – поспешно возразил Радом. – Желудями хрустят, что твои кабаны! Тут земля плохая, не поля, а болота одни. По зиме-то все замерзло,

не видно, а летом только под ногами и хлюпает, куда ни пойдешь. Урожаи худые-бедные, да и работников после двух последних зим осталось – раз-два и обчелся. Хотя сам на другую весну за рало берись! А из окрестностей два рода, Кле-стовичи да Гуляйка с семейством, те и вовсе с места снялись да дальше в лес ушли, чтобы, дескать, податей никаких не платить.

– Что ты мне тут кошуны какие-то рассказываешь! – в досаде воскликнула Избрана.

– Я не кошуны, а я к тому говорю, что если смердов сейчас обирать, то весной и те уйдут, что остались.

– Нет, смердов трогать нельзя! – поддержал его Предвар. Кузнец сам родился в селе и понимал трудную жизнь земледельцев. – Это ведь, княгиня, опора твоя. Смерды нас всех кормят. Если своих грабить, то и чужие не нужны. Боги такого не позволяют!

– Да ну... – начал было Секач, почти оскорбленный мыслью, что он, доблестный воин, должен голодать, лишь бы не обидеть вонючих смердов. Но запнулся, осененный новой мыслью. – Ха! – продолжил он. – Своих нельзя – и не надо! Тут же чужие под боком! До полотеских земель – рукой подать! За Волчанкой-то уже Столпомировы данники живут, мы туда полюдем не ходим, а до Волчанки той и пятнадцати верст не будет. А? Ну, дошло? – Он оглядел дружину. – Давайте-ка в Столпомировых селах пошарим. А то и городок какой возьмем! Столпомир-то в эту зиму и в полю-

дье не успел, нас пошел воевать, — он и не ждет, что и мы сзади зайти можем!

Кто-то из кметей захохотал.

— А что, замысел богатый... — начал Красовит, но Избрана перебила его.

— Да ты совсем с ума рехнулся! — закричала она во весь голос, не выбирая слов и не слыша, что ее голос приобрел резкий, почти визгливый, базарно-бабий призывок. — Полотеских! Грабить! Марена тебя возьми! Да ты лучше прямо к Столпомиру поезжай и скажи: здесь мы сидим, отец родной, тебя дожидаемся! Ведь найдут нас сразу по следам, сам себе на страву угощение привезешь, дурья твоя голова!

— Ты не ори! — рявкнул в ответ Секач. — Не на торгу! Своих не тронь, чужих не тронь! С голоду подыхать? Так? Придумай, княгиня-матушка, если такая умная!

— Засиживаться здесь не надо! — ответила Избрана. — Пару дней охотой перебьемся, мужиков пошлем рыбу ловить! А потом двигаться отсюда надо, к Смоленску! Ты что, зимовать здесь собрался?

— Если другого не найдем, то лучше уж полотеских пограбить, чем ноги протянуть!

— Ты стар, а говоришь как глупый отрок! — ответил ему Хедин, пока Избрана собиралась с мыслями. — Князь Столпомир совсем близко. Если мы нападём на его земли, он сразу узнает об этом. Ты хочешь погибели княгине и себе?

— А с голодудохнуть — не погибель? Только таких круто-

лобых не спросили! Так что делать? Скажи, княгиня! – предложил Секач.

– А то и делать! Надо к радимовскому князю послать и у него помощи попросить!

Все умолкли. Самой Избране эта мысль пришла только что, но показалась очень правильной.

– Бранемир радимовский и Столпомир – давние недруги! – уверенно продолжала она. – Он рад будет нам помочь. Мы вместе Столпомира до самого Полотеска отгоним, а земли поделим.

– Чтобы мы, смоляне, у Бранемира радимовского помощи просили? – с показным изумлением протянул Красовит и вопросительно посмотрел на отца.

Секач тряхнул лохматой головой.

– Не бывать этому! – отрезал он. – Столпомиру-то он недруг, да и нам тоже! Этому лешему кланяться – постыдилось бы, княгиня! Да он как поймет, что мы не в большой силе, – сам придет наши города жечь! Не бывать такому!

– Не бывать? – гневно воскликнула Избрана. – Ты что, князь, что ли, чтобы решать, чему бывать, а чему не бывать! Ты кто такой был, пока тебя к Буяру в кормильцы не взяли? И ты мне, князя Велебора дочери, смеешь говорить, чему бывать, а чему не бывать! Тот... вояка, как дурак последний, даже на своих шишках не учится, да и ты, борода седая, от него недалеко ушел! Говорят вам умное – хоть бы послушались, если сами догадаться не можете! Провели вас один раз,

зажали и выпороли, так что едва половина от войска по лесам шатается, — а вам все мало, хотите и последние головы потерять! Пока я жива, не бывать такому! Я тебе это говорю, княгиня смоленская, — не бывать! Я за все племя в ответе, мне и решать!

Во время этой горячей и сбивчивой речи Секач медленно наливался краской, и сидящие поблизости невольно отодвигались. Много лет старый воевода ни от кого не слышал таких обидных слов. Вот сейчас вскипит в его жилах буйная и неукротимая ярость, затрещит одежда на теле, распираемом изнутри неудержимым потоком звериной силы, он взметнется, человек-смерч, пойдет крушить все вокруг голыми руками...

И только Избрана не сдвинулась с места и не дрогнула, гневно глядя в лицо старого воеводы и этим взглядом будто пригвождая его к месту. Она не боялась даже смерти — в ней кипело торжество отчаяния, когда нечего терять, когда последняя отрада состоит в том, чтобы высказаться открыто и умереть, зная, что последнее слово осталось за тобой. А потом пусть разбираются как знают!

Но ничего не произошло. Секач несколько раз глубоко вздохнул, общее напряжение спало.

— Ну, я пошел, — угрюмо повторил Красовит то, с чего недавно все началось. — На охоту.

Никто ему не ответил.

Следующие два дня прошли серо и скучно. С утра до вечера сыпал снег, белая пелена плотно заполняла все пространство между землей и небом, и с высокого берега нельзя было увидеть ничего, кроме снега, сквозь который смутно чернели деревья опушки. Избрана думала о нескончаемых чащобах, окруживших городок со всех сторон, и чувствовала себя маленькой, потерянной и беспомощной.

Пока все было тихо. Каждый день Красовит и Секач с большей частью дружины отправлялись на охоту, местных смердов посылали ловить рыбу подо льдом. Жили за счет добычи и улова, но с не меньшим нетерпением, чем очередного котла с дымящейся похлебкой, Избрана ждала новостей.

А новости могли быть только плохими. Пока они выжидают здесь неведомо чего, Столпомир и Зимобор займут Смоленск!

На четвертый или пятый день дружина вернулась позже обычного, когда Избрана уже начала беспокоиться. Уж не наткнулись ли они на полочан? В сгущающихся сумерках она прохаживалась по двору, как когда-то по своей горнице, то и дело поглядывая на лес. Когда дружина наконец показалась на опушке, она торопливо пошла к воротам.

Входившие в ворота кмети несли на спинах не дичь, а мешки с зерном. В других мешках были какие-то круглые,

довольно крупные предметы. Подумалось, что то человеческие головы, хотя Избрана быстро догадалась, что там всего лишь кочаны капусты.

– Вы что же это? – тихо произнесла Избрана, найдя глазами Красовита и даже не думая, услышит ли он. Она все поняла, и душой ее овладело тихое, тоскливое безразличие. – Что же это...

В глубине души она и раньше в эти три дня подозревала, что Секач может ее не послушаться. Она не дала ему возразить открыто, но они сделали по-своему. Все ее доводы пропали перед их тупоумной удалью. Они сделали то самое, что в их положении было широким шагом к гибели, – напали на поселения двинских кривичей, подданных полотеского князя.

– Ничего, княгиня, теперь заживем! – надеясь, что удача оправдает неповиновение, сказал Избране Красовит, но выглядел он хмуро. – Хоть будет чего пожевать! А Столпомира не бойся – пока он узнает, мы уж далеко будем! Не догонит!

Ничего не ответив, Избрана повернулась и пошла прочь. Она не хотела никого видеть, никого и никогда. У нее не оставалось сил даже на гнев. Пусть делают что хотят и провалятся к Марене!

Красовит был рад, что она ничего не сказала. После недавнего спора в Радомовой гриднице княгиня стала внушать ему смутный трепет. Он понимал в глубине души, что она совершенно права. Как ни старался он отмахнуться от этих

мыслей, опасность представлялась все более грозной.

Кмети шептались, украдкой покачивали головами. Когда в животе завывает голодный зверь, разум молчит. Но теперь у смолян был хлеб, а с ним и возможность трезво взглянуть на то, что они натворили.

Засиживаться в Радомле было нечего, но никто не знал толком, куда идти и что делать. Собирать ополчение старосты родов не хотели, считая эту войну безнадежной и не желая напрасно терять сыновей и внуков.

– Раз князь пришел, надо князю подчиниться! – говорил старик в одном селе, куда заезжал на днях Красовит. – А если против своего князя воевать, боги и чуры не благословят! Что же мы, глупые, что ли?

Все понимали, что сил воевать за Смоленск нет и уже не будет, но никто не знал, на что решиться. Бежать и искать где-то пристанища, просить помощи у других князей, как это сделал Зимобор, или возвращаться к нему с повинной головой и просить мира? Но даст ли им этот мир новый князь, если вся сила сейчас в его руках? Некоторые надеялись, что Смоленск его не примет, но надежды эти были очень слабыми. У Зимобора теперь есть войско, а других претендентов на престол в Смоленске сейчас не имеется. Так на каком основании вече ему откажет?

Избрана могла бы напомнить смолянам их клятву верности. Но для этого нужно было явиться в Смоленск. У нее хватило бы отчаянной смелости на этот шаг, даже если ни-

кто из бояр не захотел бы ее сопровождать, но она сообразила слишком поздно. Если Зимобор *уже* пришел в Смоленск, собрал вече и добился признания, то вернуться туда будет напрасной глупостью. Она только отдаст себя в руки победителя без надежды хоть чего-то добиться.

Дружина медлила, проедала добычу и оставалась на месте, не зная, что предпринять. Боярин Радом обращался со смолянами по-хозяйски радушно, но Избрана отчетливо ощущала его напряжение и все возрастающее беспокойство. Их гостеприимный хозяин совсем не хотел, чтобы сюда явился князь Зимобор с войском и стал осаждать его родовое гнездо, стремясь получить в руки свою сестру-соперницу. И как ни лестно Радому было дать приют княгине, гораздо сильнее ему хотелось, чтобы она поскорее покинула его дом.

И однажды вечером, дня через три после «охоты», Секач встал со своего места и поднял руку в знак того, что хочет говорить. Княгиня Избрана только что вышла, но все бояре еще сидели в гриднице.

– Видит Перун, что дела наши сейчас невеселы, – начал Секач. – Попали мы, как Змей Сварогу в клещи. И надумал я средство. Как решите, так и будет.

– Что надумал-то? – спросил Предвар.

– Двое врагов у нас теперь – Столпомир да Зимобор. Мириться надо.

– Предлагал ведь княжич мириться, – напомнил Пред-

вар. – Хотел миром дело решить. Ты сам же не захотел. Тогда можно было условия получше выговорить. А теперь зачем ему нас слушать? Повяжет и по Юл-реке арабам продаст – вот и все переговоры.

Остальные молчали, ожидая продолжения.

– А мы не с ним, а со Столпомиром мириться будем, – помолчав, предложил Секач. – С ним-то мы не ссорились. Что ему до наших дел? А еще вот что... Он ведь неженатый сейчас вроде, Столпомир. А мы ему нашу княгиню в жены отдадим.

Все охнули, задвигались.

– А если Зимобор не захочет? – спросил Блестан.

– А захочет Зимобор сам ее в руки забрать – тогда мы с него клятву возьмем нам не мстить, а за это выдадим ему сестру.

– А она сама-то как же? – мрачно спросил Красовит. Его лицо ничуть не просветлело, и всем видом он выражал совершенное неверие в согласие Избраны. – Не согласится она.

– А ей пока знать не надо, – ответил ему отец. – Меньше крику будет. Завтра пошлем к Столпомиру людей. И пусть за невестой едет. Я сам к нему поеду.

И дружина незаметно перевела дух. Ехать к Столпомиру и сообщать о решении Избране всем одинаково не хотелось.

За время житья в Радомле Избрана приобрела дурную привычку подниматься с постели поздно. Все равно делать было нечего, выйти в дрянном тесном городишке некуда, а видеть никого не хотелось. Но сегодня ее спозаранку разбудил шум во дворе. Слышался громкий голос Секача, торопившего своих людей.

– Поди узнай, куда они снаряжаются, – велела Избрана девчонке, которую к ней для услуг приставила боярыня. – Опять поди на разбой собрались...

Девчонка выскочила в верхние сени, пугливо пряча глаза. Она боялась молодую княгиню, которая за все время ни разу не улыбнулась и не сказала ни слова, кроме коротких приказов.

– Говорят, воевода Секач поехал посмотреть, как там князь полотеский, – робко доложила девчонка, вернувшись. И добавила, словно хотела снять с себя непонятную вину: – Воевода Красовит сказал.

Избрана кивнула и взмахом руки отослала девчонку. Она была даже довольна отъездом Секача – наконец-то старый кабан по-настоящему взялся за дело! Но неприятным было то, что он уехал, не предупредив ее. Неприятным, но не удивительным. После произошедшего Избрана не рассчитывала не только на доверие Секача, но даже на простую учтивость.

Если все это кончится... когда все это кончится как следует, от Секача нужно будет избавляться.

С Секачом уехала довольно большая часть дружины, Предвар отправился на охоту. Избрана надеялась, что действительно на охоту. Из бояр в Радомле остались только сам хозяин и Красовит. Оба они ни разу за день не попались на глаза Избране, и непривычная пустота и тишина вокруг начали ее тревожить. В самом воздухе носилось что-то неприятное, беспокоящее. Избрана волновалась, сама не зная из-за чего, и с нетерпением ждала возвращения Секача.

Под вечер, когда воздух посерел, к ней вдруг заглянула девчонка. Зная, что княгиня не любит возле себя чужих, она несла свою нехитрую службу в верхних сенях.

– Воевода идет! – пискнула девчонка в дверную щель и скрылась, не успев даже сказать, какой воевода.

Ожидая Хедина, который единственный находил в себе смелость и охоту нарушать ее одиночество, Избрана сидела у стола, не поднимая головы. Перед ней лежал кожаный мешочек, в котором хранилось зеркало, но за все эти дни Избрана ни разу не испытала желания достать заморское чудо. У нее не было желания смотреть в глаза даже самой себе, а при мысли о том, что может привидеться Зимобор, она ощущала настоящий ужас. Теперь-то он не улыбнется! «Вот до чего ты все довела! А ведь я предупреждал!» – как живой представлялся ей голос старшего из братьев, суровый, осуждающий. А пока она сидит в этой дыре, он, брат, уже может

быть в Смоленске.

– Здорова ли, княгиня? – раздался от порога низкий голос Красовита.

Избрана, очнувшись от задумчивости, в удивлении подняла голову. Сын Секача стоял у двери, точно не решался войти. Нерешительности за ним раньше не водилось.

– Здорова, – осторожно ответила Избрана. – Что ты вдруг обеспокоился?

Красовит молчал, и она добавила:

– Заходи, раз уж пришел. Садись.

Красовит медленно шагнул в горницу и сел – в здешней тесноте ходить далеко не приходилось. Скамья скрипнула. Избрана пошевелилась, жалея, что ей некуда отодвинуться, – в тесной горнице огромный Красовит занял сразу слишком много места. Шапку он вертел в руках и внимательно рассматривал, как будто сам не знал, как ему в руки попало это диво. Избрана была в недоумении: как это все понимать? Красовит никогда не являлся к ней просто так. А если пришел по делу, то почему молчит?

– А ты сам-то здоров ли? – спросила она. – Что-то я тебя не пойму.

– Не поймешь... – повторил Красовит. – Много ты чего не понимаешь, матушка...

– Опять! – в досаде воскликнула Избрана. – Это я уже слышала. Еще в Смоленске. Уж какой разум мне Перун дал, с таким и буду справляться. А вы, разумники, посоветовали

бы чего. Ты уж не с советом ли пришел?

– Не знаю. – Красовит мельком глянул на нее и опять уставился на свою шапку.

Весь день он обдумывал вчерашнее решение дружины и пытался понять, что же ему не нравится, откуда в нем это смутное неудобство, похожее на угрызения совести. В чем и перед кем он виноват? Вроде бы ни в чем. И любви между ним и княгиней не водилось, и ласковой к нему она не была. Но при мысли о том, что дружина, много здоровых и сильных мужчин, хочет женщиной купить себе безопасность и почет, притом женщиной, которую они все не так давно признали своей княгиней и которой клялись в верности... В этом было что-то неправильное.

Да, у смолян не осталось другого выхода. Но завели княжество в чащобу они все вместе, почему же должна расплачиваться одна Избрана? Почему ее, дочь князя Велебора, нужно силой отдать тому, за кого она по доброй воле никогда бы не пошла? Хорошая она княгиня или плохая, но этим решением дружина не прибавила себе чести. А Красовит задумывался о своей чести гораздо больше, чем это можно было предположить по его грубоватому лицу.

– Послушай меня, – наконец решившись, твердо сказал он и поглядел в глаза Избране. И в его глазах она увидела отражение такой серьезной мысли, что только кивнула в знак согласия. – Ты не шуми, а подумай, – продолжал Красовит. – Отец мой уехал не просто так. Хочет он со Столпо-

миром помириться. А чтобы помириться, надумали тебя ему в жены отдать. Если Столпомир согласится, то сам за тобой сюда придет. Нравится тебе это?

Избрана смотрела на него огромными от изумления глазами. Новость потрясла ее настолько, что поначалу она даже не нашла слов. В ней вскипело возмущение, гнев на всех этих людей, которые хотят сделать ее жертвой. Ее, княгиню, отдать, как бессловесную холопку... Если бы Столпомир взял ее в плен... А то сами, свои же... Даже после всех бед это не укладывалось в голове.

Задышавшись, Избрана встала и шагнула к Красовиту. Он порывисто вскочил, словно хотел защититься. Голова его сразу оказалась много выше головы Избраны, и эта внезапно выросшая преграда пресекла ее порыв. А потом она сама постаралась взять себя в руки. Красовит смотрел на нее не с торжеством, а с досадой. «Как же ты не понимаешь?» – словно кричал его взгляд. И вдруг Избрана осознала: он пришел вовсе не для того, чтобы унижить и осмеять ее, а для того, чтобы ей помочь.

Как волна от камня, Избрана подалась назад и снова села к столу. Сердце ее громко билось, дышать было трудно. Красовит смотрел в ее побледневшее лицо и замечал все то, чего не замечал прежде: как она похудела, побледнела, осунулась. Незаметно для нее самой ее прежняя величавая надменность сменилась выражением болезненной тревоги и тоски. Теперь ей приходилось делать усилие, чтобы взглянуть

кому-то в глаза, ее пальцы все время теребили то край одежды, то кончик косы, а плечи передергивались, как от резкого звука. Она старалась держаться, но в ней что-то надломилось, и ей больше не по силам выносить все это – и власть, и войну, и поражение.

– Послушай, – снова начал Красовит. Избрана не поднимала глаз, но он знал, что она его слушает. – Время еще есть. Хочешь уйти – я тебе помогу.

– Уйти? – Избрана метнула на него негодующий взгляд, но ничего не добавила. Он ведь прав: у нее нет возможности сопротивляться, и остается одно – бежать.

– Да. С твоими варягами. Ты своему Хедину веришь?

Избрана кивнула и с новым приливом негодования вспомнила, как презирали варягов смоленские кмети. Дескать, крутолобые, за серебро служат! Не варяги, а свои, свои продали ее врагу!

– Я скажу людям, что Хедин решил от нас уйти, – продолжал Красовит. – Его с дружиной выпустят. И ты с ними. Переоденешься – не заметят. Я сам провожу, чтобы не приглядывались. И ступайте куда хотите. Согласна?

– Хедина позови, – коротко ответила Избрана.

В голове у нее все смешалось, она чувствовала себя глубоко несчастной. Вот и опять ее понесло, как лист на ветру, и судьба не дает ей даже оглядеться. Она потеряла сначала Смоленск, а теперь отрывается от последней опоры.

Красовит спустился из горницы и прошел через двор в

дружинную избу, где сидели десятники Блестан и Пестрец со своими кметями.

– Как там, снег не перестал? – спросил кто-то, увидев входящего со двора.

Вместо ответа Красовит снял поясную сумку, открыл и протянул Пестрецу.

– Сколько добавишь? – спросил он.

– За что? – изумился десятник.

– Я с Хедином сторговался, – ответил Красовит. – Они две гривны просят. Чтобы уйти.

– Куда? Зачем уйти? Куда посылаешь? – посыпались вопросы.

Красовит презрительно хмыкнул:

– Чем думаете-то – голодным брюхом? Что о княгине-то решили – забыли? А она захочет? А варяги ее отдадут? Драки не миновать. А так я Хедина уговорил. Они уходят, княгиня одна остается. Все тихо-мирно. Две гривны надо. У меня полгривны только есть. Давайте, у кого сколько.

– Умно! – одобрил Блестан и бросил в кошель перстень с пальца. – Ну их совсем, крутолобых. А жрут сколько!

– А большой веры им нет. Пусть проваливают! – одобрили кмети и принялись шарить по поясам.

На лицах было презрение: варяги, молчаливо гордившиеся своей верностью, отступились от княгини всего за две гривны. Правда, тоже деньги. По-старому, четыре коровы можно было купить.

Красовит невозмутимо закрыл сумочку. Его не считали особенно умным, да и сам он действовал больше по наитию, но оказался совершенно прав. Когда с людей требуют денег, они твердо верят, что взамен получают что-то стоящее. И чем больше денег требуется, тем крепче вера.

Когда стемнело, Красовит прошел к воротам городища и велел дозорному десятку открыть. С боярского двора потянулась темная вереница молчаливых варягов. Красовит ушел к воротам, потом вернулся вместе с Хедином.

– Снег. Ничего, – коротко бросил он, имея в виду, что к утру никаких следов не сохранится.

– А как ты здесь останешься? – негромко спросил Хедин. – Тебя не будут винить?

– А я что? – Красовит пожал плечами. – Я все хорошо придумал. Дружина одобрила. А считать вас, сколько утопало, – я до стольких считать не умею.

Княгиня Избрана, переодетая в мужское платье и округлый варяжский шлем, спрятав под плащом спущенную по спине косу, шла в середине отряда, довольно далеко от Хедина, чтобы ее не заметили взгляды, обращенные к вожаку. Якобы улегшись спать, она отослала девчонку и строго приказала до утра не беспокоить. Сейчас она не боялась быть узнанной, и ее даже злило то, что она вынуждена покидать Радомль тайком, как беглая холопка. Бежать от собственной дружины! Нет для князя большего унижения. Избрана не задумывалась пока, куда они пойдут, где и как будут дальше

жить, но очень хотела одного – чтобы впредь все стало не так, как было раньше.

Глава вторая

Отправившись из Радомля в непривычной для него должности свата, Секач рассчитывал застать жениха, то есть князя Столпомира, в Подгоричье. Но тот, как оказалось, успел уйти вперед. В городках по Днепру полотескому князю без битвы открывали ворота: увидев княжича Зимобора, старейшины не решались сопротивляться, тем более что княгиня Избрана забрала из городов ополчение и бояр с дружинами, а сама, по слухам, уже была разбита и даже вроде, говорят, попала в плен.

Догнать войско Секачу удалось только в Болотниках, всего в двух переходах от Смоленска. Еще при выходе из леса его дружина наткнулась на дозор. Не дав им приблизиться, полочане послали гонца к городку, и к тому времени как Секач со своими людьми вышел на открытое пространство, перед воротами их уже ждала дружина копий в пятьдесят.

Велев кметям оставаться возле леса, Секач один пошел вперед. На руке у него был щит, но меча он не вынимал из ножен, показывая свои мирные намерения. От полотеской дружины тоже отделился кто-то из десятников, судя по хорошему шлему и кольчуге, и вышел ему навстречу.

– Кто вы такие и чего хотите? – крикнул полочанин.

– Я – Секач, воевода смоленский! – ответил гость, задыхаясь после ходьбы во всем вооружении по глубокому сне-

гу. – Не воевать пришел... Хочу... говорить с вашим князем... Столпомиром... Здесь он?

– Кто тебя прислал?

– От дружины я... И от бояр смоленских.

Полочанин немного подумал, потом кивнул:

– Иди за мной.

Дружина Секача осталась на поляне под присмотром полочан, а самого воеводу повели в город. Хорошо знакомый городок, будучи захвачен врагами, казался совсем чужим. Опытным взглядом окидывая вооружение многочисленных полочан, Секач еще раз отмечал, какое правильное решение они приняли.

Его провели в гридницу. Здесь тоже были кмети, на лавках сидели бояре, и хозяйское место тоже было занято. Секач подобрался, пытаясь получше вспомнить Столпомира, виденного когда-то – чуть ли не десять лет назад...

Но на хозяйском месте сидел Зимобор.

Секач оторопел: он подготовился к разговору с совсем другим человеком и теперь не знал, что сказать.

– Здравствуй, Секач! – Зимобор кивнул. – Что же не здороваешься, раз прибыл? Не узнал? Вроде не так давно и расстались, виделись на днях. Избрана прислала? Где она сама?

Секач открыл было рот и опять закрыл. Зимобор усмехнулся:

– Да не морок я! Садись, рассказывай, с чем прибыл. Дайте ему пива, может, опомнится.

Пиво еще было редкостью, и в войске князя Столпомира возили с собой запасы ячменя, купленного за Варяжским морем. При виде знакомой темной жидкости Секач и правда оживился. Выпив и по привычке утерев усы, он сел на предложенное место и даже попытался ухмыльнуться.

– Нет, Зимобор Велеборич, все-таки не наяву ты мне явился! В Ирии, не иначе! Где еще теперь пива дадут!

– И что же ты в Ирий так заторопился? Или совсем дела плохи?

– А неужели хороши? У нас ведь теперь ни князя, ни... Известное дело, какой из женщины князь?

– А я вам не это говорил? А умные люди вам не говорили, когда отца хоронили? Нет, тогда ты не слышал!

– Ну, глупые были! – Секач отвернулся. Слишком редко ему приходилось признавать себя неправым. – Прости дураков...

– Значит, мириться приехал?

– Значит, мириться. Только вот какое дело: дружина вся за тебя, а княгиня Избрана на мир не согласная.

– Где она?

– Да в Радомле. Дружины там всего ничего, да и противиться тебе никто, кроме нее с варягами, не будет. Поедем, поговори с ней сам. А уж мы все за тебя горой...

– Не надо! – Зимобор отмахнулся от изъяснений преданности, которым все равно не верил. Хитрый Секач, как оказалось, был истинно предан только самому себе, и его лю-

бовь ничего не стоила.

Но смоленские бояре хотя бы признали, что глупо спорить с силой, – и на том спасибо. Оставалось убедить в этом Избрану, поскольку применять силу к собственной сестре Зимобор не хотел. Слишком крепко их связывали общая кровь и воспоминания детства, чтобы власть по-настоящему могла разделить их и сделать врагами. Что бы она ни натворила – она оставалась его сестрой.

Однако надежды найти ее в Радомле, напуганную и при-
смирившую, не оправдались. Ее вообще там не было, и Секач искренне удивился этому не меньше Зимобора. Более того – никто в городе не знал, куда она делась. По всему выходило, что она исчезла вместе со своими варягами, вопреки их заверениям, что они уходят без нее.

– Обманули, выходит, нас варяги! – Воевода Предвар разводил руками. – Красовит вон с ними договорился, что они от нее уйдут, чтобы, значит, лишнего шума не было, когда все откроется...

– Что откроется? – спросил Зимобор.

– Ну, что дружина теперь тебя в князя хочет! – нашелся тот.

Красовит только хмыкал и отвечал все то же: «Я их считать не нанимался, сколько их там уходило». Но к нему не слишком и приставали. Исчезновению Избраны в Радомле скорее обрадовались. От нее хотели избавиться – она сама избавила их от себя, а чтобы править, у смолян теперь был

Зимобор.

— Но куда она могла податься? — Сам новый князь не мог так легко забыть о своей предшественнице.

— В Смоленск, куда ж еще? — Секач пожимал плечами.

— Хорошо бы, если так...

Зимобор беспокоился о сестре, не представляя, где она, обиженная и гордая, может искать приюта. А если она намеревалась не просто спрятаться? А если у нее есть замыслы, идущие гораздо дальше? Он не хотел повторить ее ошибку — когда она просто приняла его исчезновение, не пытаясь разобраться как следует. Выяснить судьбу беглянки было необходимо, только непонятно — как.

Приняв клятву дружины и бояр, Зимобор простился со Столпомиром. Тот пошел назад в полотеские земли, дальше собирать свою дань.

А Зимобор двинулся к Смоленску. Он еще надеялся догнать Избрану по пути туда, но напрасно. Никаких ее следов на дороге не осталось. Никто из жителей не видел ни княгини, ни ее людей. Дружину из сорока варягов невозможно было спрятать или выдать за кого-то другого, и приходилось признать, что они просто здесь не проходили.

Поэтому Зимобор не слишком удивился, когда прибыл в Смоленск и обнаружил, что княгиню Избрану здесь не видели с тех пор, как войско ушло в поход. Власти там не имелось почти никакой, все дворы и усадьбы стояли с запертыми воротами, но непохоже было, чтобы кто-то хотя бы пы-

тался собрать войско и дать какой-то отпор ожидаемым полотеским полкам.

Княжий двор был пуст, и только челядь жалась по углам, не зная, кому же она теперь принадлежит и есть ли у дома Твердичей хоть какой-нибудь хозяин.

На другой день Зимобор велел собрать вече, коротко рассказал о прошедших событиях, и смоляне без споров признали его своим князем. Еще через несколько дней перед глазами собравшихся Зимобору был вручен княжеский посох.

Но торжествовать у него не было ни времени, ни желания. Дел накопилось очень много, и самым важным из них было полюдые – без этого ни один князь не удержится у власти, потому что не сможет содержать дружину и дом. Приходилось торопиться, чтобы успеть обойти землю и вернуться в Смоленск до того, как вскрыются реки, но мысль о пропавшей без вести сестре не давала ему покоя. Зимобор был в святилище Макоши и разговаривал со старой княгиней Дубравкой, но она только грозила ему небесными карами, не желая верить, что он никак не причастен к исчезновению Избраны. Судя по горестному виду старой княгини, она сама была в полном неведении о судьбе дочери.

Тогда он выбрал время и зашел в святилище Рода. Но и волхвы развели руками.

– Гадать по воде – дело женское! У нас только Громан умел. – сказал ему Здравен, нынешний верховный жрец. – А

он-то вон теперь где...

– Где?

– А то ты не знаешь? – Жрец покосился на него недоверчиво и осуждающе.

– Да я-то не ясновидящий! Вяз червлёный вам в ухо! – Зимобор досадливо хлопнул себя по колену. Все теперь хотели от него слишком много и сразу. – Что вы все на меня киваете, как будто я и есть Сварог, у меня четыре лика и я все стороны света разом вижу! Мне дружину кормить надо, в поход снаряжать, из людей дань выбивать, как будто не знаю, что им самим есть нечего. А не выбью, дружину и вас же кормить не смогу! То одно, то другое, а ты еще хочешь, чтобы я под землей видел!

– Вот, знаешь ведь, что он под землей!

– Что, умер? – Зимобор сел. – От чего? Давно? Ну, дела...

– Не умер. В порубе сидит. Сестра твоя его посадила.

– За что? – Зимобор был изумлен. Как ни хорошо он знал Избрану, такой отваги он от нее не ожидал.

– Диковину какую-то они не поделили. Она и велела его в поруб бросить.

– Ну, народ! – Зимобор вскочил и устремился вон, не попрощавшись. – И хоть бы кто сказал!

Вернувшись на княжий двор, он велел извлечь Громана из поруба, с облегчением убедившись, что тот все-таки жив. Когда жреца сводили в баню и привели в приличный вид, Зимобор позвал его к себе. Несмотря на худобу и сильный

кашель, Громан выглядел весьма удовлетворенным. Бывший верховный жрец был явно рад, что его обидчица-княгиня исчезла, а смоленский престол занимает мужчина, на стороне которого он был с самого начала. Его предсказания оправдались, и он был даже горд, что так пострадал за них.

– Теперь обратятся к нам лики наших богов! – говорил он, покашливая, и вся дружина с напряжением и надеждой прислушивалась к его слабому, сиплому голосу. – Теперь истинная весна наступит. Ты, князь Зимобор, победил Марену, принес нам свет. Теперь найди себе жену достойную, и народ наш возродится.

– За женой я по весне поеду. Ты мне скажи, где мне теперь сестру искать? Уж не у Марены ли она сама?

– Увезла она зеркало?

– Какое зеркало?

– А такое, из-за которого я в порубе очутился. Глянул бы ты в него – сразу бы ее увидел.

– Не знаю я никакого зеркала, – устало ответил Зимобор. Только волшебства ему теперь не хватало для полного счастья! – А как-нибудь иначе можно узнать, где она и что с ней? Ты, отец, по воде гадать умеешь – поищи ее.

– Поищу. – Громан кивнул и закашлялся. – Завтра на заре приходи.

Громан уковылял в святилище, Зимобор задумчиво смотрел ему вслед. За прошедшие месяцы Здравен освоился на месте старшего жреца, и что теперь делать – смещать его и

возвращать должность Громану? Которого предпочесть, которого обидеть? Уж хоть бы святилище как-нибудь само уладило свои дела!

И Зимобор опять вздохнул, вспоминая Избрану. Сколько сложностей она ему создала – и конца им пока не предвиделось.

На заре он уже стучался в ворота святилища. В храме горел огонь перед идолом, золотой щит Перуна был вынут из сундука и лежал перед огнем. Рядом ждал Громан.

– Говорил я со Перуном, – кашляя, сказал он. После освобождения из поруба он кашлял беспрестанно, и Зимобор вдруг понял, что старик уже совсем скоро лично встретится со своим богом и волноваться из-за должности верховного жреца не станет. – Вода не знает, где твоя сестра, а огонь знает. Огонь видел ее. А Перун говорит: не оставляй Марену на свободе, одержал победу – закрепи. А не то она опять скоро в силу войдет и на черного коня сядет. В руках ее – меч. Сейчас покажу тебе ее. Смотри.

Старик пошевелил дрова в очаге, пламя вспыхнуло ярче, огненный свет залил поверхность золотого щита. Круглые бляшки сверкали так ярко, что сливались в сплошное солнечное сияние и смотреть на них было больно. Зимобор невольно зажмурился, перед глазами поплыли огненные пятна в черноте, и вдруг откуда-то появилась картина. Он увидел белую фигуру, похожую на лебедя с поднятыми крыльями, но у этого лебедя была человеческая голова с длин-

ной девичьей косой, и он сразу узнал Избрану. Он не мог разглядеть ее лица, но все в этой белой фигуре, такой сильной, светлой, легкой, но при этом твердой и целеустремленной, напоминало Избрану. Это была сама ее душа, сама ее сущность, не привыкшая отступать и сдаваться, всегда устремленная вверх и вперед.

Перед ней тоже пылал огонь, бросая отблески на золоченый идол, который казался еще больше и внушительнее, чем бывает даже в княжеских святилищах. А в руке девушка-лебедь держала меч, похожий на застывшую молнию, – не то посвящая его золотому идолу, не то получив от него же.

Все потемнело. Видение исчезло.

– Ну, что видел? – услышал он голос Громана.

– Видел... ее... – Зимобор даже не сразу вспомнил имя своей сестры. – Избрану. И в руках у нее меч...

– А я тебе что говорю? Меч Перуна она потеряла, а меч Марены нашла.

– Но это не меч Марены. Он был светлым. Огненным. Как этот, – Зимобор кивнул на сундук, где хранилось священное оружие божества. – И где она? Неужели у... у нее?

В храме Перуна он не решился произнести имя Матери Мертвых, хотя и не верил, что Избрана действительно там.

– Где? – Громан покачал головой и снова закашлялся. – Много хочешь от богов, сынок... Княже. Тебе, может, то показали, чего еще нет, а только будет. Тебе судьбу показали, а ты – где? Тут тебе не судилище с видоками. Боги путь

лучом по небу указывают, а по земле сам иди, ногами все буераки ощупывай.

* * *

Но как ни хотелось Зимобору поскорее узнать, где же его сестра и что с ней, думать о ней было некогда. Нужно было срочно собирать дружину для полюдь. После всех этих событий дружинные избы поопустели: кто-то в недобрый час оказался убит или покалечен, кто-то из сторонников Зимобора был выслан Избраной подальше и еще не успел узнать о переменах и вернуться, а кто-то из сторонников Избраны, наоборот, не захотел служить Зимобору и уехал, не ожидая от нового князя ничего хорошего для себя. Из четырех десятков своей ближней дружины Зимобор с трудом собрал два, еще два дали остатки дружины князя Велебора. Боярский сын Ранослав, служивший Избране, теперь охотно принес клятву верности Зимобору, вызвался идти с ним в полюдь и снарядил три десятка собственных кметей. Красовита сам Зимобор пригласил его сопровождать – как доказательство того, что Секач с сыном не держат зла на нового князя и искренне готовы ему служить. Красовит согласился и тоже снарядил в дорогу три десятка кметей. Еще по полтора-два десятка привели бояре Корочун и Любиша, а в посаде староста Предвар собрал четыре десятка воев. Еще полсотни удалось набрать в ближайших к Смоленску поселениях. Мужи-

ки довольно охотно шли в поход — зимой дома было делать нечего, только напрасно проедать хлеб, а князь обещал кормить в пути и выделить каждому долю собранного.

Таким образом, для полюдья собралась дружина больше двух с половиной сотен человек. Не так много, чтобы воевать с чужой землей, но для похода по своей должно было хватить даже в этот трудный год.

Обыкновенно смоленские князья, отправляясь в полюдье, поднимались вверх по Днепру до реки Осьмы, от Осьмы по притоку спускались к верховьям Десны, там сушей шли до реки Хмары, по Хмаре спускались до Сожи, а по той поднимались до самых истоков, откуда оставалось сухим путем до Смоленска около пяти верст. С Каспли, где стояли погосты, дань присылали сами тамошние бояре. Полюдье занимало около месяца. По древнему обычаю, племя добровольно подносило своему князю дары — зерно, мед, меха, лен, выплавленное железо, всякие припасы, нужные для содержания дома и дружины. И то, что эти добровольные дары надо давать не когда хочется, а каждый год, тоже считалось одним из непреложных древних установлений. Ведь что такое племя без князя, князь без дружины, а дружина без хлеба и оружия? Но Зимобор понимал, что после двух голодных годов полуразоренное население вовсе не жаждет расставаться с припасами и это полюдье будет больше похоже на военный поход.

Все его худшие ожидания оправдались. Еще на Днепре,

где через каждый переход стояли погосты, все пути были многократно исхожены, а население покорно, ни в одном погосте князь не получил положенного спокойно и сполна. Тиуны показывали ему в лучшем случае половину того, что собирали прежде, и разводили руками. Зимобор понимал, что больше взять действительно негде. Припасов было так мало, что в каждом погосте останавливались на лишние несколько дней: собрав небогатую дань, кмети разъезжались по лесам на охоту и забрасывали рыбацьи снасти под речной лед, чтобы хватило еды на следующий переход. Иначе все собранное пришлось бы проесть по пути и полюдье превратилось бы в совершенно напрасную двухмесячную прогулку по зимним лесам.

В самых верховьях Днепра стало труднее. Погостов здесь не было, на ночлег приходилось останавливаться в селах или вовсе на опушках леса. Кмети и вои рубили жердины, устраивали себе шалаши, покрывали их еловым лапником и закидывали снегом, сооружая подобие берлоги, набивались туда как можно плотнее и согревались собственным дыханием. Дозорные всю ночь жгли костры, а утром несколько десятков отправлялось на охоту, выслеживать по свежему снегу лосей, оленей, кабанов. Удачей было найти медвежью берлогу: этакой тушей, отъевшейся за лето и осень, можно было накормить разом всю дружину, а медвежьим жиром растереть простудившихся. Правда, медведи добром не сдавались, поэтому на охоте Зимобор потерял одного человека, да

еще Предвару, удалому не по годам, лесной хозяин чуть не вырвал глаз.

На Вазузе полюдые встречали хмуро, почти как врагов. Сюда смоленский князь захаживал редко. Люди жили небольшими родовыми поселками, пахали пашню, били зверя, собирали мед, ловили рыбу, плавиле железо. Когда род слишком разрастался и с ближайших угодий прокормить себя уже не мог, семейство младшего сына отделялось и уходило дальше в леса – снова корчевать деревья, палить и пахать. Благодаря этому все население каждого поселка, состоявшего обычно из пяти-семи, иногда десятка дворов, действительно было в родстве между собой и почитало общего предка – того, кто несколько десятилетий назад привел сюда род. Потомки этого предка, жившие в пределах досягаемости друг друга, назывались гнездом. Каждое гнездо насчитывало по несколько поселков, где два-три, а где и больше десятка. Гнезда находились на расстоянии дневного перехода одно от другого, благодаря чему возле гнезд было удобно ставить погосты. Но в этой малоосвоенной смоленскими князьями земле до погостов было еще далеко. Спасибо, что дружине позволялось пройти, не прокладывая себе дорогу мечами.

Каждый из здешних жителей душой и телом был во власти своих собственных старейшин, родных дедов и дядек, которые и решали, советуясь с толковыми головами, все дела, и судили споры. Поэтому никакой другой власти тут не

требовалось и не имелось. Если возникали дела, касающиеся нескольких поселков, то их обсуждали на праздничных сборах возле гнездовых святилищ. Порой вспыхивали споры из-за угодий, и тогда начинались долгие рассуждения и воспоминания, «чей топор первым в том лесу ходил». Если разговоры не помогали, мужики, случалось, брались за те самые топоры. Но это опять же все между собой, и роды вовсе не жаждали, чтобы править ими взялся кто-то со стороны. Родовые предания сохранили память о древних князьях, и из уважения к ним кривичи не могли открыто отказать князю в дарах, которые приносили ему их предки, но и давать их совсем не стремились.

– Нет у нас хлеба, княже, не взыщи, – отвечали старосты, сурово хмурясь и не глядя в глаза. – Сам знаешь, какие дурные годы Род послал, – сами лебеду едим.

– Ну, поделитесь лебедой, нам и то сгодится, – отвечал Зимобор, и кмети начинали поиски.

Под злобными взглядами смердов перетряхивали погреб, амбары, хлевы. Из зерновых ям, прикрытых соломой и засыпанных землей, выгребались все запасы, и Зимобор, приказав все перевесить и перемерить, забирал десятую часть.

– Чтоб тебе с голоду околеть самому, проклятый, как ты детей наших губишь! – кричали ему бабы и плевали трижды, призывая лихо и немочь на головы грабителя. Кмети пытались их унять и вытолкать прочь, мужики молчали.

Связываться с дружиной и целым войском из сотни во-

оруженных воев смерды не могли, но и любви к князю не испытывали. В одном селе клеть, где он устроился на ночь, пытались поджечь. Дозорные кмети перехватили поджигателя еще у тына: ведро смолы и горшок с горячими углями явно обличали, зачем тот явился. Зимобор его помнил: у мужика он велел забрать корову, одну из немногих уцелевших на селе, потому что охота не удалась, а дружину надо было чем-то кормить.

– Повесить его надо, княже, и вся недолга! – сказал Красовит и сплюнул. – Чтобы другим неповадно было.

Но Зимобор не мог лишить семью еще и кормильца. До отъезда он велел спустить мужика в пустую зерновую яму, а потом его, надо думать, выпустили родовичи. На душе было гадко: он шел по своей собственной земле, как по чужой и враждебной, но что он мог сделать? Не собирать дань – обречь на голод и развал дружину, подвергнуть Смоленск опасности нападений. Для того чтобы иметь возможность завтра защитить этих людей, сегодня Зимобор был вынужден их обирать.

За Вазузой была чужая земля, и от нее повернули на юго-восток. На реке Касне вообще давненько не видели никаких сборщиков дани, поэтому в двух родовых поселках появление дружины стало полной неожиданностью. Селяне только изумленно таращили глаза, когда Зимобор разъяснял местным старостам, кто он и чего хочет.

– Нет у нас ряда со смоленскими князьями, чтобы дань

платить, – отговаривался староста по имени Росляк, но понимал, как неглупый человек, что это не поможет. – Мы на Днепр не ходим... Отцы наши Смоленску не платили, и деды не платили...

– Все когда-то в первый раз случается, – отвечал Зимобор. – Платите по белке с рала² и приезжайте в Смоленск торговать, плывите мимо нас вниз хоть до Греческого моря – добро пожаловать.

– Мы на Днепр не ходим, Велес с ним, с Греческим морем! Бывает, с Юл-реки торговые гости приезжают...

– Так что ж, хазарскому кагану дань платить хотите? – презрительно бросил Красовит. – А перед дедами не стыдно, а, борода?

Что касняне торговали через Юл-реку, было истинной правдой. Велев обыскать село, Зимобор вскоре в этом убедился. Везде были приготовлены меха – соболи, куницы, бобры, мед в кадушках.

– Кому приготовили? – спрашивал Зимобор. – Неужто правда хазарам платите?

Эти товары, явно приготовленные на вывоз, его сразу насторожили. Если у смоленского князя есть соперник в этих местах, это осложняет дело.

– Платить не платим, – отвечали хозяева, – а хазарские гости да болгарские, бывает, торгуют.

Это походило на правду: у некоторых женщин и девиц в

² То есть с плуга или с дома.

ожерельях висели арабские дирхемы с приклепанными ушками – новые, полученные, как видно, в обмен на товары совсем недавно. Рассудив, что для продажи касняне приготовили излишки, Зимобор забрал из них половину и под угрюмыми взглядами приказал грузить на сани. Касняне ворчали, что, пока у него не заключен ряд с каснянскими родами, на поборы он не имеет права, и Зимобор в душе признавал их правоту, но не имел времени на долгие переговоры. Так всегда и делается: тот, кто в силе, забирает то, что ему нужно, а все уговоры только закрепляют существующий порядок. Если бы он не имел сил забрать их меха, касняне ни на каком вече не согласились бы их дать, а раз он в силе, вече не в силах ему помешать.

Два села, где правили Росляк и Черняк, стояли совсем близко одно от другого, и смоленская дружина обошла их в один день. У Черняка заночевали. Ночь прошла почти спокойно. Одно не давало спать – всю ночь под окошками мяукала кошка, да так пронзительно и противно, что из каждой избы по два-три раза кто-то выходил, пытаясь ее прогнать. Однако никакой кошки не было, и никто из дозорных, оставшихся у костров снаружи, ее не видел.

- Домовой балует, нам спать не дает! – ворчали смоляне.
- И то ясно! Мы-то ему чужие, за своих ему обидно.
- Да пусть мяучит, не начал бы душить!
- Молчи, Братила, а то надоумишь! Пусть тебя первого тогда душит!

– От слова не сделается! Защити, Перун-батюшка, от нечисти домовой, от мары полуночной!

От кошачьего мяуканья у всех наутро болела голова, люди не выспались. Но этого было мало. Мешки с зерном, вчера отмеренным и приготовленным к вывозу, оказались разорваны в клочья, овес и рожь были рассыпаны по амбару. Все это безобразие густым слоем покрывал мышиный помет.

– Вот дела! – Десятник Судмир, увидев это, в изумлении хлопнул себя по бедрам. – Теребень! Кудряшка! Людина! Что же это делается! Да как же вы сторожили, кикиморы чудовы!

– Сам ты кикимора! – обиделся Людина. – А мы как надо сторожили!

– Где же как надо, когда мыши все зерно сожрали! Одно дерьмо оставили! Как я дерьмо князю покажу!

– Да где... – начал Кудряш, но увидел изгаженные тряпки, в которые превратился вчерашний мешок, и оторопел. – Да не может такого быть! Что же я... Да не, быть не может!

– Это колдовство, конунг! – услышав о печальной судьбе зерна, уверенно заявил Хродлейв. Он уже научился довольно бойко говорить по-славянски, но слово «князь» ему еще не давалось, и он называл Зимобора так, как привык у себя дома. – Этих мышей наслал колдун, вот попомни мое слово!

– Тебе руны подсказали, да? – спросил Радоня.

– Я сам умный!

– Тебе шлем не жмет?

Зерна было жалко, но делать нечего. Как рассвело, поехали дальше. В третьем селе, где старостой был родич Росляка, Немил, никаких мехов и меда, приготовленных для продажи, уже не оказалось.

– Чего ищешь-то, княже, нету у нас ничего, с корья на лебеду перебиваемся. – Немил прямо-таки стучал себя в грудь, но Зимобор ему не верил. Старосту предупредили о напасти, и все лишнее было надежно спрятано.

Поиски в селе почти ничего не дали. Зато несколько следов от санных полозьев уводили в лес. Селяне уверяли, что-де Бровка да Миляй с сыновьями за дровами поехали, но Зимобор опять не поверил. Отправив по два десятка по каждому следу, он вскоре увидел эти «дрова» – те же связки мехов по сорок соболей, нанизанных на кольца из ивовых прутьев, заботливо и умело приготовленные для выставления на торг.

– Чтоб вам провалиться, проклятым! – Увидев свои сокровища, Немил перестал стучать себя в грудь и плюнул.

Пока ездили, наступил вечер. По возможности разместив людей на отдых – кого в избах и хлевах, кого в шалашах у костров, – Зимобор собрал в местной беседе своих бояр и десятников. Полночи спорили, что делать дальше. По опыту прежних походов, частично по рассказам купцов и местных, смоляне знали, что у них отсюда два пути. Можно было идти дальше по Касне до самых истоков, а там перебраться на знакомую Осьму и относительно скоро вернуться домой. А можно было перейти с Касни на ее приток Сежу, а с нее

перебраться на Жижалу и Угру. Путь удлинится вдвое, зато собрать можно будет гораздо больше.

– Нету тут ничего, княже, и не возьмем тут большого богатства, только зря коней погубим и людей поморозим! – убеждал боярин Корочун, пожилой, опытный и осторожный человек. – Было бы за что мучиться, а то сам видишь – хлеба смердам самим не хватает, чего брать-то?

– Чего взять, всегда найдется, а ты, дядя, если подслеповат, то пустите меня. Я найду! – отвечал Красовит.

– Да как это – ничего нет! – изумился Предвар. – Ты и правда, Корочун, слаб глазами стал, к старости, что ли? А меха? А соболя, куницы, лисы? Это ли тебе не богатство! Ты, видать, богаче цесаря греческого, если за такое богатство пройти лишних пару верст не хочешь!

– Если бы пару! Ведь тут лишние сотни верст! А дороги ты знаешь? Как хоть до Жижалы попасть?

– Я знаю! – кричал Ранослав, когда-то еще в отрочестве ездивший с отцом-воеводой по этим местам. – На Сежу надо идти, а от ее истоков на Жижалу!

– До Сежи-то дойдем, она прямо в Касню впадает, а дальше-то как? Ведь лесами! Ты, удалой, хоть знаешь, сколько там идти лесами? И дорогу через тот лес знаешь?

– Ну... Велес поможет...

– Мы проводников из местных возьмем! – предложил боярин Любиша.

– И куда тебя заведут те проводники? В такую чащобу, что

потом и костей не найдут!

– Да что мы, дети, что ли, малые? – горячился Предвар. – Найдем дорогу, не заблудимся!

– А вятичи? – напомнил десятник Достоян. Никто не заподозрил бы, что он чего-то боится, и именно потому любое его возражение звучало весомо и разумно. – Ведь если на Жижалу идти, потом на Угру придется. А там Вяткин³ род близко. Готовы?

– Да вятичи не на Угре! – Судимир покачал головой. – Вятичи на Оке больше. На Угре вообще никого нет.

– Не может такого быть, чтобы совсем никого! – хмыкнул Красовит. – Люди везде живут, куда вода течет.

– Не скажи! Видал я такие глухомани, истинно пустыня!⁴

– Зато в пустыне спорить с нами никто не будет! Если там в родовых гнездах мужиков по десятку, заплатят нашу дань и не пикнут!

– Ох, ребята, как бы нам голову не потерять! Пошел медведь по мед, да без шкуры остался!

– Не каркай, дядя! Бояться волков – быть без грибов!

За общим шумом никто не расслышал, как дверь из сеней открылась, – только сидевшие поблизости закричали, чтобы затворяли скорее и не напускали холода, – и в беседу просунулся дозорный десятник Моргавка.

³ Князь Вятко – легендарный прародитель племени вятичей.

⁴ В Древней Руси пустыней называлось не жаркое песочное место, а густой лес, где нет людей.

– Княже! – во весь голос заорал он, чтобы докричаться, и Зимобор привстал, услышав, что кому-то нужен. – Тут приехали люди к тебе! Три мужика на одних санях! Говорят, не отсюда, из другого села какого-то! И вроде с Сежи! Что, пускать?

– Давай! – Зимобор махнул рукой. – Сейчас и узнаем, что за Сежа такая. А ну тише!

Троих гостей не сразу заметили, но, пока они проталкивались от дверей поближе к князю, гул постепенно стихал. Сняв шапки, они первым делом поклонились очагу и столбам, изображавшим Рода и Рожаниц, а только потом Зимобору – вежливо, но с большим достоинством. Все трое были уже немолодые мужики, отцы взрослых сыновей и деды подрастающих внуков, но еще не старики, крепкие, с широкими бородами, одетые в прочные теплые кожухи и хорошие меховые шапки. Один оказался наполовину лыс, зато у других в густых русых волосах лишь на висках блестела седина. За широкие кожаные пояса у всех были заткнуты вязаные шерстяные рукавицы с одинаковым узорчиком на запястье, только у одного красным, а у двоих – желтым. Держались мужики с немного натянутым достоинством – чтобы, дескать, и сильного прищельца не обидеть зря, и себя не уронить.

– Проходите, люди добрые! – приветствовал их Зимобор, обождав, пока те поклонятся здешним чурам. – Хоть и не я здесь хозяин, но вы будьте гостями! Присаживайтесь! – Он кивнул кметям, и те освободили ближайший к князю край

скамьи. – Рассказывайте, откуда будете, с чем прибыли?

– Из Заломов мы, село, значит, на Сеже возле устья, – ответил один из мужиков, видимо старший. На вид ему было сорок с небольшим, и его лицо с густой русой бородой, голубыми глазами, с крупными, прямыми чертами выглядело умным и внушало уважение. Даже пока он просто стоял, опытный глаз видел, какая сила и притом ловкость скрыта в этом рослом теле под кожухом из черной овчины. – Первым сел там Залом, пращур наш, уж более двух веков тому, оттого село наше зовется Заломами, а род наш – Заломичами. За века размножился наш род, теперь целое гнездо из внуков Залома Старого на Сеже-реке живет.

– А ты старейшина? – не утерпел Зимобор. – Над всем гнездом?

– Над гнездом у нас старших нет, каждое своего имеет, но как соберутся родовые старосты на совет, тут и мое слово не последним будет, – с тем же спокойным достоинством, без лишней гордости ответил мужик.

– А звать тебя как?

– Хотила я, Гостяев сын, Суровцев внук. Со мной братья мои Лежень да Яробуд.

– А, так то твои братья! – Зимобору стало ясно, почему три мужика так похожи. – А я уж подумал, у вас весь род с лица одинаковый!

– Зачем одинаковый? – Хотила пожал плечами. – Если кто совсем дико живет, людей не видит и на своих женится, тогда

да. А мы из разных родов невест берем, и всегда так брали, оттого и лицами разные.

– Так садитесь, братья Гостяичи! – Зимобор еще раз показал на освобожденную лавку, понимая, что гости по обычаю должны поломаться, с чем бы ни прибыли. – Извините уж, что скамья не покрыта, да ведь я не хозяин здесь. Даст Сварог, буду вас у себя в Смоленске принимать – там и скамьи, и ковры, и угощение не такое будет. Садитесь!

Мужики наконец уселись и чинно сложили на коленях шапки.

– С чем прибыли, рассказывайте! – предложил Зимобор. Ему и правда было любопытно, что предложит Сежа-река. Появление гостей его не слишком удивило: конечно, слухи бежали впереди полюдья.

Так оно и оказалось.

– Прослышали мы, будто идешь ты из Смоленска и дань собираешь по Касне-реке, – начал Хотила.

– Так и есть, – подтвердил Зимобор. – И к вам на Сежу завтра же пойду, так что вовремя вы приехали.

– О том и речь, – Хотила важно кивнул, но Зимобор учуял, как колыхнулась в душе невозмутимого старосты тонкая струнка разочарования – сежане все-таки надеялись, что смоленский князь пойдет дальше по Касне и Сежу минует. – Говорят люди, будто забираешь ты и хлеб, и меха, и железо, и мед.

– И лен еще. Забираю. Из расчета по белке с рала или с

дыма, если кто ремеслом живет и землю не пашет. Беру товаром с села целиком.

– А какой же такой ряд у тебя с нами и отцами нашими был заключен?

– А никакого, – Зимобор спокойно ответил то, что старосты и сами знали.

– Ведь не было еще такого, чтобы смоленские князья с наших мест дань собирали! – вставил лысый. Он волновался явно больше братьев и теребил свою шапку.

– Тише, Ярко! – негромко одернул его Хотила. – А и то правда: не обязаны мы данью смоленским князьям. Враги на нас не ходят, а если придут, то сами справимся, чай, порода у нас не робкая и сила еще есть. Если непорядок какой в роду – на то старики есть и обычаи дедовские, сами меж собой свои обиды разберем. На торги к вам не ездим, меха свои на Юлгу продаем, хазары оттуда сами к нам приезжают. Не нужен нам смоленский князь! Ни для какого дела не нужен! Так зачем платить тебе будем?

– А затем, что мне меха ваши нужны позарез и я в силе их взять! – честно ответил Зимобор. – А польза от меня будет. Если вдруг война какая, на Юлгу вам путь закроется – милости просим через Смоленск на Днепр и в Греческое море. Хоть сами поезжайте – от меня каждый год обозы ходят, поедете со мной, под моей охраной, сами в Цареграде свои соболя продадите и паволок⁵ накупите. Дешевле выйдет – ведь

⁵ Паволоки – дорогие шелковые ткани греческого производства.

обирают вас хазары, а вы и не знаете как, простота лесная! Ты, отец, и умен, и мудр, по глазам вижу! Здесь хазары стеклянную бусину простую за три куны⁶ продают. Оттого и носит каждая баба этих бусин в ожерелье штук пять-десять, больше не может ей мужик купить. А у них за Хвалынским морем тот купец одну куницу за три таких бусины продаст! Хочешь – сам таким купцом будешь. Вот за этим и нужен князь. Или вдруг вятичи на вас пойдут, или чудь-мордва какая – тоже меня зовите, я приду да как им вдарю! – Зимобор весело показал кулак. – Вы-то вон какие орлы – по вам троим вижу, какая ваша порода сежанская! – да и у меня не слабые ребята.

Он кивнул на кметей, и все, кто его расслышал, выразительно приосанились.

– Мы и сами воевать умеем! – проворчал Хотила, но было видно, что он приятно смущен словами князя.

– Знаю я, как вы в лесу воюете! – сказал Зимобор. – На волка, на медведя – лучше вас нет. Да ведь человек – не медведь. У него и бронь⁷, случается, надета, и в руках щит да копье. С человеком воевать силы мало – умение нужно. Знаю, что те роды, у кого духа Перунова нет, долго не живут и все под корень выбиваются. А выживают сильные. Но тебе-то не жалко твоих братьев, сыновей, внуков – под чужие топоры

⁶ Куна – денежная единица, равная одной куньей шкурке, или дирхему, то есть 2,73 г серебра.

⁷ Бронь – собственно древнерусское название кольчуги.

их посылать? Жалко, вижу, потому что сердце не камень, а кровь своя, от деда Залома, родная, драгоценная! А дадите мне дань – и под топоры мои ребята пойдут, твои дома останутся. Вот и думай, зря будете мне платить или не зря.

– Ну, князь, я один за всех не решаю. – Хотила расправляя на коленях свою шапку и глаз не поднимал, но Зимобор видел, что говорил все правильно и уверенное неприятие старейшины сильно поколебалось. – Как гнездо решит.

– А мне ждать некогда, пока оно решит. Мне до весны в Смоленск вернуться надо.

– Долго ждать не надо. Завтра ведь Зимолом – сломи рог зиме. Со всего гнезда нашего люди в святилище собираются, чурам поклониться и весне путь показать. Приезжай, сразу со всеми поговоришь и волю нашу узнаешь.

– Где святилище, далеко?

– Зачем далеко? Возле устья, где село наше. Сам Залом-пращур его и возводил с сыновьями, чтобы богов славить. Да мы тебя проводим завтра.

– Праздник, значит! – Зимобор усмехнулся. – Вот и славно! А то мы в разъездах этих дням счет потеряли!

– Худое время ты для дороги выбрал, князь, – заметил молчавший до того третий брат, Лежень, самый высокий из троих. – В месяц сечен кто же ездит – все дороги узлом завязаны и снегом заметены, ни верхом, ни пешком Попутник ходить не велит.

– Ну... – Зимобор мог бы сказать, что пустился в такую

дорогу не по воле, а по необходимости, но признаваться в этом было ни к чему. – Мы мороза не боимся, зато сколько добрых людей повстречаю!

И он улыбнулся троим суровым сежанам, как будто действительно ехал сквозь снега и метели за сотни верст только ради того, чтобы с ними познакомиться.

И как ни хорошо они знали, что это неправда и нужны ему их соболя и меды, – против воли хотелось верить.

Тем временем кмети уже начали готовить ужин. В нескольких корытах, позаимствованных у хозяек, со двора вносили разрубленную на куски оленью тушу. Кравчий с помощником отрезал по куску и выдавал каждому его долю, а там уж кмети сами пристраивали мясо над огнем, обжаривали на углях или на двух сковородках, возле которых расправлялся опять-таки кравчий.

Зимобор пригласил и троих сежан присоединиться к ним. Тем явно хотелось уйти и устроиться на ночлег у кого-нибудь из местных приятелей или родичей (а такие несомненно должны были быть, поскольку все соседские поселения постоянно обмениваются невестами). Как выяснилось, у Лежени и впрямь дочь жила тут замужем, а ее деверь и предупредил Заломы, каких неприятных гостей им вскоре, вероятно, придется принимать.

– У нас мужики говорили – снимемся с места, да уйдем, пересидим в лесу, не околеем за пару дней, – рассказывал разговорившийся Лежень. – А другие им в ответ: куда зи-

мой на снег, да в такой мороз, да лучше мы добро попрячем. Только, говорят, иные уже прятали – нашли ведь...

– Нашли. – Зимобор кивнул в ответ на его вздох. – Мы находчивые.

– А мы, княже, живем по обычаю, по правде! – добавил Хотила. – Мы не зайцы серые, чтобы в лесу прятаться, не мыши амбарные, чтобы по норам зернышки хоронить. Докажи нам твою правду – сами дадим. А если нет твоей правды – боги с нами и нас не выдадут!

– Завтра и докажу! – Зимобор кивнул.

А про себя подумал, что если к его словам сежәне окажутся глухи, то язык острого железа понимают все. Здесь вроде народ не глупый, если судить по этим троим. Должны понять.

– Э, накликал! – Яробуд тем временем толкнул старшего брата в бок. – Вона бежит, тать в серой шубейке!

Прямо перед очагом пробежала мышка, нагло, у всех на глазах, куснула брошенную кость и юркнула под лавку. Кмети засмеялись, засвистели, кто-то бросил вслед серой разбойнице башмаком, который сушился у огня. Башмак оказался чужим, и возле очага немедленно вспыхнула потасовка насчет «ты чего моими башмаками кидаешься, бобер тупорылый, а вот я сейчас твоими кину! Пошел в свою хатку, животное!»

– Много мышей у вас, – сказал Зимобор. – Вчера у Черняка были, не помню, как село зовется...

– Если Черняк, то это Ручейки, – подсказал Яробуд. – Бабка наша оттуда родом.

– Мышей там вообще пропасть. Чуть все зерно не поели. У вас тут кошек, что ли, нет?

– А ты не слышал ночью кошки? – Хотила вдруг повернулся к нему и даже наклонился, опираясь руками о колени, так интересовал его заданный вопрос.

– Кошки ночью? – Зимобор удивился.

– Была кошка, – раньше него вспомнил Радоня. – Была, сволочь голосистая. Орала всю ночь, да так гадко, будто из нее живьем жилы тянули, ни сна, ни покоя, вся голова наутро трещала.

Сежане переглянулись, и по лицам их было видно, что они все прекрасно поняли.

– Ну-ка, о чем речь? – Зимобор пристально глянул в лицо Хотиле.

– Еще услышишь, княже, – сдержанно ответил тот. – И про мышей, и про кошек...

– Нет, ты уж сделай милость, сейчас мне расскажи, – настойчиво попросил Зимобор. – А то ведь я любопытный, всю ночь буду ворочаться, не засну.

– Не надо, княже, такие разговоры на ночь разговаривать! – поддержал брата Лежень.

– Не-ет! – протянул Зимобор. – Я-то знаю: если какие разговоры на ночь не вести, то до утра и не дожить можно, правда ведь?

По лицам сежан было видно, что он попал недалеко от истины.

– Ну, телитесь, отцы, не мучьте мою душу! – предложил Зимобор. – Или я совсем тупой, или вас эти кошки-мышки тоже достали по самое не могу, вяз червлёный им в ухо!

– Есть у нас тут один... – неохотно пробурчал Хотила.

– Ну, ну! – подбадривал его Зимобор.

– Ведун у нас живет. Завтра увидишь его в святилище.

– Только он сам не из святилища, а отдельно живет, за леском у него двор, – поспешно вставил Яробуд, как будто боялся, что смоляне плохо подумают об их гнездовом святилище.

– Паморок его зовут, – добавил Лежень и покосился на старшего брата: не зря ли я это сказал?

– Паморок, – подтвердил Хотила, что, дескать, податься некуда. – Балуется он с этим...

– С чем – с этим?

– Да вот, что ты видел. Мышей насылает. Если не угодит ему кто – пришлет целую прорву, весь амбар за ночь вынесут, одно дерьмо оставят, тьфу, прости Род! – Хотила на всякий случай привстал и поклонился столбу. При тесных родственных связях окрестных сел каждый чур был в какой-то степени своим любому жителю гнезда.

– Кошку опять же присылает, – добавил Лежень. – Кошка не простая у него. И видел-то ее мало кто, так, мелькнет что-то черное в окошке. Зато как ночь, сама в село идет, сядет

под окном да мяучит, да так тошно и жалобно – прямо ножом по сердцу. И кто ее слышит, тот наутро непременно заболит чем. А видеть – не видели, только если выйдешь вдруг, тень мелькнет, и все, будто не было.

– А ведун-то самого видели? – спросил Зимобор.

– Как не видеть!

– Чего его видеть-то, кому надо, тот зайдет. За лесочком живет-то.

– Так за чем же дело стало? – не понял Зимобор. – Не пробовали его взять да мышиним дерьмом покормить, раз он до чужого зерна такой жадный? А потом в мешок с кошками сунуть да в реку? Я не пробовал, но люди говорят, от таких шалунов хорошо помогает.

– Тронешь его! – Хотила нахмурился. – Ведь пожрут мыши весь припас, а нам как жить?

– Его уже били! – опять вставил Яробуд. – И камнями, и топорами – уходит сквозь землю, упырь проклятый! Он ведь всегда такой был. Еще молодой когда, ходил всегда, как туча черная, не улыбнется, не поговорит ни с кем. Девки от него шарахались. Он ведь тоже к Углянке сватался, да она...

– Молчи! – Лежень выразительно толкнул слишком болтливого младшего брата.

– Что за Углянка такая? – Любопытный князь уже вцепился в новое имя. – Ваша местная Лада? Хороша? И что с ней?

– Жена моя вторая была, – неохотно и сурово ответил Хотила. – Шесть лет тому. Выросла девка у Нездрава в Глуши-

чах, всем невестам невеста. Я посватался, да и Паморок, рожда темная и глаз дурной, тоже посватался. Она за меня пошла, конечно. Сына родила. А Паморок тогда с горя и ушел к Хитровану жить да науку его перенимать. Хитрован-то уж лет пять себе тогда приемыша искал, чтобы обучить всему и силу передать. Да никто не хотел идти. У него тоже дурной глаз был, у Хитрована.

– А как Хитрован помер, с тех пор у нас Паморок ворожить стал, – торопливо продолжил Яробуд. – Каждому ведуну ведь одно какое-то дело лучше всех прочих дается, вот у нас Паморок мышей стал заклинать. Захочет – пришлет, захочет – уберет. С таким войском нам и князей не надо!

Он запнулся и пожалел о том, что брякнул не подумавши.

– А Углянка что? – спросил Зимобор, вместо того чтобы гневаться. – Жена твоя то есть?

– Пропала Углянка, – мрачно ответил Хотила, не глядя на него. – Ночью из дому пропала. Дом заперт, двор заперт, собаки не шелохнулись. И ведь в чем ушла-то – вся одежда и обувь на месте осталась. До рубашки. Спать ложилась в рубашке, а утром – рубашка есть, а ее нет.

Все помолчали, только кмети гудели о своем, кому уже не была слышна беседа князя с сежанами.

– Мальцу шестой год пошел, всю по двору бегает, а где его мамка, никто не ведает, – добавил Лежень.

– А ведь самое дело для колдуна – с лежанки бабу украсть, да прямо без башмаков! – заметил Ранослав. – А, княже?

Может, пойдем утопим этого баловника? Или расспросим как следует: куда, мол, бабу чужую девал?

– Не смейся, видишь, горе у человека! – осудил его Корочун.

– Да, дела, вяз червлёный в ухо! – согласился Зимобор. – Что, Хотила, жалко жену?

– Хорошая была баба, – сдержанно оценил старейшина.

Зимобор цепко глянул ему в лицо. Пожалуй, баба была не просто хорошая, а очень хорошая.

И как он хорошо понимал этого неразговорчивого мужика! Прошло уже больше полугода с тех пор, как он в последний раз видел Дивину. Она, его невеста, единственная и любимая, та, с которой он дважды обручился и дважды ее потерял, ушла за Зеленую Межу, во владения Леса Праведного, и не сказала, как ее вернуть. Зимобору оставалось только ждать весны и надеяться, что весной, когда вскроются реки и растают снега, она сумеет подать ему какой-то знак.

Он ждал весны, и хотя бы ее неизбежный приход давал ему надежду. А у Хотилы не было ни следа, ни надежды. Зато насколько проще было бы Зимобору, если бы он точно знал, кого именно нужно взять за горло, прижать к стене и поднести к глазам острый нож, чтобы потерянная дочь князя Столпомира вернулась с Той Стороны, откуда так редко возвращаются... Хотя бы и этого мышиноного князька с кошкой за пазухой...

Ночью Зимобор спал почти спокойно, лишь изредка ему мерещилось сквозь сон жалобное кошачье мяуканье. Утром голова побаливала, но от мяуканья или от дымной духоты – кто же знает?

– Что, не было кошки? – спрашивал он у дозорных, умываясь.

– Вроде нет. Леший ее разберет, – докладывал отчаянно зевающий Годида. – То ли мяучит нечистая сила, то ли в ушах звенит.

– Зерно-то не сожрали?

– Вроде нет. Надо у Моргавки спросить, он обоз последним сторожил.

Обоз был в порядке. Еще бы! Наученный опытом, Зимобор перед сном обошел его весь со своим тайным оберегом и нашептал заговор собственного сочинения, в котором мыши и кошки посылались в... края далекие и труднодостижимые, скажем так. Но что в этих краях никогда не светит солнце – это точно.

Утром поехали. Всего в паре верст от Немилова села в Касню впадала Сежа, и обоз свернул на нее. Прямо возле устья на пригорке стояло село Заломы – большое, из трех десятков дворов, окруженное частоколом.

– Волки, бывают, приходят зимой, – объяснил Хоти-

ла. — Прямо в хлев бы залезли, да и человеку выйти ночью страшно. Да мы зимой-то мало выходим. На праздники или по родственным делам каким... Нам дальше ехать, святилище наше вон там, за березничком.

— А люди где? — Зимобор оглядел село, которое выглядело совсем пустым. Лишь кое-где над крышами тянулся дымок из маленьких окошек.

— И люди в святилище. Только бабки с самыми мальцами да хворые дома остались.

Проехали еще с версту, и стало видно святилище. Оно располагалось на мысу, высоко поднятом над замерзшей рекой. Мыс от берега отделялся высоким валом, за которым стояли две длинные хоромины, а позади хоромины тянулся еще один вал. На гребне второго вала горело несколько костров, образующих цепочку огней. Это означало, что сегодня праздник и в святилище большое собрание.

— Всех старейшин сразу увидишь, княже, всех мужиков, — приговаривал Хотила. — Объясняй им твою правду, может, послушают.

Перед святилищем и правда собралась нешуточная толпа. Всех, считая женщин, стариков и подростков, человек двести.

— Это сколько же у вас сел по Сеже? — Зимобор сдвинул шапку на затылок и запустил пальцы в волосы.

— Два больших, наше да Ледяниччи, а малых по гнездам с два десятка будет.

– Хорошо! – искренне обрадовался Зимобор. – Гляди, Раянок, сколько хороших людей сразу!

– А что, ведун ваш тоже тут? – несколько опасливо осведомился Любиша.

– Должно быть, тут. – Хотила кивнул.

Народ изготовился на праздник – все женщины нарядились в праздничные яркие уборы, высокие кички⁸, вышитые цветными нитками, с птичьими перышками у висков, с шерстяной бахромой. Из-под кожухов у всех виднелись нарядные крашеные рубахи, даже сами кожухи у некоторых были покрыты крашеным сукном. Мужики тоже были в новых шапках, с цветными поясами. Вокруг внешнего вала стояло множество саней с мешками и бочонками – приношения святилищу, из которых готовятся угощения жертвенного пира.

Перед воротами вала уже виднелась наполовину слепленная Снеговая Баба выше человеческого роста – три кома, поставленные друг на друга. Придать ей надлежащий вид еще не успели – должно быть, помешало появление полюдья.

Велев обозу и воям оставаться пока на реке, Зимобор с ближней дружиной поднялся на берег и подъехал к святилищу. Из толпы навстречу ему выбралось с десятков мужиков – все такие же немолодые, основательные, как Хотила с братьями, – старейшины местных сел и родовых поселочков. На Хотилу и братьев бросали частью облегченные, ча-

⁸ Кичка – головной убор замужней женщины, закрывающий волосы. Мог состоять из множества частей и украшений.

стью вопросительные взгляды: братья были живы и здоровы, что уже хорошо, но с чем все-таки приехали? Огромная и хорошо вооруженная дружина внушала страх – у сежан не было возможности по-настоящему ей противиться, и даже старейшины с трудом сохраняли невозмутимый вид. Однако они держались как хозяева, а Зимобор был здесь гостем. Ему очень хотелось договориться и получить свое добром – не только сегодня, но и на следующий год.

– Здоровы будьте, люди сежанские, да благословит Род ваши дома, да пошлет Макошь приплод в ваши семьи и ваши стада! – Не сходя с коня, Зимобор слегка поклонился старейшинам и приветственно помахал рукой. – Я – Зимобор, сын Велебора, князь смоленский. Подвластны мне земли от Сожи до Двины, от Днепра до Угры. Объезжаю я мои земли, дань собираю. Хочу получить по белке с рала, кто пашет, и по белке с дыма, кто ремеслом живет. Дань невелика, вас не разорит, зато дружба моя вам полезна будет – от врагов обороню, с дальними странами торговать научу, случись недород или еще какая беда – помогу. В дела ваши вмешиваться не буду, как правила собой по заветам отцов и дедов, так и будете править. Святилищ ваших не трону, жен и детей не обижу. Что скажете?

– Не было никогда такого, чтобы сежане дань платили смоленским князьям, – ответил ему один из старейшин.

– Ты кто такой будешь, добрый человек? – тут же осведомился Зимобор.

– Быстрень я, Переплясов сын, из села Леденичи, – ответил мужик.

И что-то изменилось: он стал самим собой, а не частью расплывчатой людской массы, стал говорить как бы от себя и почувствовал себя не так уверенно. А Зимобор смотрел на него пристально и приветливо – без угрозы, но так, что здоровый мужик, годящийся в отцы этому кудрявому парню, ощутил желание опустить глаза. Из карих блестящих глаз молодого князя на него смотрели целые поколения людей, привыкших властвовать, привыкших смотреть на мир свысока, со спины боевого коня. Их мир был широк и неохватен, и старейшина, чей белый свет отроду замыкался течением Сежи – два-три перехода от начала до конца, – вдруг оробел перед этим миром, впервые осознав его огромность. Он смутно знал, что где-то есть Днепр и Сож, – а этот парень их видел и пил их воду.

– Не хочу я с вами ссориться, мужи сежанские, – убедительно сказал Зимобор. – Вон, дружина со мной, мечи и копья у них ой как красноречивы – и глухого уговорят. Не печальте богов и предков напрасным кровопролитием – давайте вместе жертвы принесем и дадим клятвы в мире и дружбе.

Старейшины переглядывались, в толпе за их спинами раскатывался глухой ропот. Смоленский князь предлагал им союз, как равный равным. Но все понимали, что этот союз означает дань – сейчас они дадут такую клятву, и белку с рала придется отдавать потом каждый год. И уже ничего нель-

зя будет изменить. Белка – ерунда, такую дань за год добудет даже однорукий. Но эта белка будет означать, что они, сежане, не сами себе голова, а что правит ими князь далекого Смоленска.

– Слышали мы, чем такие дела кончаются! – Вперед вышел другой мужик, пониже и пошире, гордо и вызывающе засунул ладони за пояс. – Ездил я по Днепру, знаю, как там. А кто не знает, тому я скажу! – Он обернулся и глянул на толпу. – Сперва по белке с рала будем платить. Потом случится в Смоленске война – к нам придут ратников собирать, и перебьют наших сыновей на Двине где-нибудь, с полотескими и плесковскими князьями на ратях. Потом поставят у нас тут городище, посадят воеводу, с тиунами, мечниками, а тех кормить надо, да весь год, – вот и превращается наша белка уже в соболя, а потом в целый сорок соболей!

– Коготок увяз – всей птичке пропасть, – добавил мужик в черном овчинном полушубке, в волчьей мохнатой шапке, низко надвинутой на глаза. – Не давайте коготка, сами целы будете.

– А ты кто за птичка? – спросил Зимобор. – Надо же, как сладко поешь! Не Сирином зовут?

– Паморок я.

– Ах вот кто! – Зимобор даже обрадовался и подъехал поближе. Толпа старейшин дрогнула и шагнула назад. – Паморок! Слышал я про тебя. Ведун, значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.